

83-5
6681a

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

РОССИЯ

В РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ НА РУБЕЖЕ 1870-1880-х годов

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1983

107
107

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПОДПОЛЬЕ

1. Поворот революционного народничества
к политической борьбе

В обстановке нарастающего общенационального кризиса в стране русская революционная партия переживала свой внутренний кризис. Разночинское по социальному составу, революционное движение было народническим по господствующей в нем идеологии. «Народничество есть идеология (система взглядов) крестьянской демократии в России... Крестьянская демократия — вот единственное реальное содержание и общественное значение народничества»¹.

Революционеры-разночинцы ощущали себя единственными выразителями и защитниками интересов народа. Для их мировоззрения было характерно не только неприятие старого самодержавно-крепостнического строя с засильем помещичьего землевладения, малоземельем крестьян, полицейским гнетом, но и протест против развития в стране буржуазных отношений как несущих массам новые формы эксплуатации².

Классовая точка зрения делала этот протест и ограниченным и непоследовательным. Идеология народничества не могла научно объяснить ни новых развивающихся в стране социально-экономических отношений, ни их перспектив, ни характера эксплуатации масс. Выдвинув социализм как цель борьбы, крестьянская демократия не смогла определить действительных путей народного освобождения. Крестьянская социалистическая революция, над подготовкой которой трудились революционеры-разночинцы, должна была разом покончить и с самодержавием, и с крепостничеством, и с буржуазным гнетом. Общинный строй русского крестьянства с его уравнильным землепользованием, систематическими переделами земли, круговой порукой, некоторыми общинными работами должен был стать основой устройства послереволюционного общества, обеспечив его развитие к социализму.

Но классовая природа народничества объясняет не только утопизм в решении кардинальных проблем народной жизни. В те годы, когда в пролетариате еще не было ни широкого движения, ни твердой организации, народничество явилось «знаменем самой решительной борьбы против старой, крепостнической России»³.

Народническая система взглядов требовала, чтобы революционеры отодвинули в сторону «политику» и шли в народ готовить «социальную» революцию, которая мыслилась как революция не только для народа, но и силами самого народа. Отправляясь в народ, семидесятники думали опереться на стихийный революционный протест крестьянства, который, как они верили, живет в нем. Верили они и в социалистические инстинкты мужика, которые усматривали в приверженности его к общинным традициям.

Но подавленное, забытое и темное крестьянство не откликнулось на социалистическую пропаганду. Не подвергнув сомнению основы своей идеологии, народники увидели причины неудачи движения в его неорганизованности и неверной тактике. Итогом «хождения в народ» явилась созданная в 1876 г. централизованная организация «Земля и воля». Революционеры перешли к «оседлым» поселениям в народе, признав, что подготовка революции — дело длительное и многотрудное. Пропаганда стала основываться на народных требованиях, «каковы они есть в данную минуту» — социалистический идеал отодвигался вдаль, будучи признан для крестьянства неясным⁴.

Но почти два года существования землевольческих поселений не дали ощутимых результатов в деле создания «могучей, чисто мужицкой революционной организации»⁵. Народников окружала в деревне глухая стена крестьянского непонимания и недоверия.

Наступивший 1878 год все более воспринимался революционерами как год «переходный», как «новая фаза борьбы», год «критически переломный в революционной психологии этой эпохи»⁶. «Мы стоим в конце старого десятилетия на рубеже нового, переживая эпоху, очевидно, первостепенной важности, как по интенсивности революционной работы, так и по совершенно особому характеру, который она принимает»⁷, — отмечала газета «Земля и воля».

«Совершенно особый характер революционной работы», проявившийся в 1878 г., состоял во все большем отклонении ее от распространенных в революционной среде 70-х годов бакунистских установок, от самой программы «Земли и воли». Это несомненно было связано и с воздействием опыта работы в деревне, и с той обстановкой, в которой революционеры оказались в это послевоенное время. Даже рядовые революционеры понимали ее исключительность, все больше задумываясь и над итогами развития страны за два пореформенных десятилетия и над его будущим. Участник южных кружков П. А. Орлов в октябре 1878 г. писал: «Наши российские перспективы таковы: экономическая перспектива — всероссийский голод и истребление всех орудий производства, т. е. не только нищета народа, но национальная нищета... Политическая перспектива — бешеный деспотизм, пожирающий сам себя и других. А как итог этого — народная громада, доведенная хроническими голодовками сперва до отупения,

а затем до бешенства»⁸. Такое понимание будущего России под властью самодержавия призывало к революционному вмешательству, поднимало вопрос об изменении политического режима.

Программа «Земли и воли» борьбу за политические свободы не ставила самостоятельной задачей, по-бакунистски признавая ее ненужной перед лицом грядущего социального переворота. Ссылаясь на опыт европейских революций, семидесятники считали завоевание политических прав ничего не дающим народу и укрепляющим лишь позиции буржуазии. Но в обстановке назревавшего всеобщего недовольства революционеры все больше втягивались в политику, которой до тех пор сторонились. К концу 1877 г.— началу 1878 г. обнаруживается явное охлаждение народников к деятельности в деревне и тяготение к городу. Вопреки программе, видевшей основную точку приложения сил в крестьянстве, все большее внимание революционеров своей отзывчивостью и активностью привлекают городские слои: рабочие, студенчество.

Одним из симптомов изменений, происходящих в революционном подполье, было появление прокламаций, пришедших на смену книжкам для народа. Прокламации, обращаясь к обществу, молодежи, рабочим, обличали существующий строй, предъявляли обвинения самодержавию, призывали к борьбе с ним. Поначалу едва уловимо зазвучали в этих летучих боевых листках мотивы, не свойственные революционной публицистике 70-х годов: утверждение «неотъемлемых прав личности», протест против «преследования за идеи»⁹.

Эти новые настроения, развивавшиеся в революционной среде до поры подспудно, неожиданно ярко и для самих революционеров, и для правительства раскрылись в деле Веры Засулич. В июле 1877 г. в петербургском доме предвартельного заключения был подвергнут телесному наказанию политический заключенный Боголюбов (А. С. Емельянов). Насилие свершилось по приказу посетившего тюрьму петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, перед которым революционер не снял шапки. Другие заключенные, видевшие расправу над Боголюбовым и перебившие стекла в окнах камер, были избиты и посажены в карцер¹⁰. В знак протеста против этого произвола близкая «Земле и воле» революционерка Вера Ивановна Засулич 24 января 1878 г. стреляла в Трепова. И не пытавшаяся скрыться, она была арестована и предана суду присяжных. На суде революционерка заявила, что своим поступком хотела «обратить внимание общественного мнения» на происшествие 13 июля и «сделать не так легким надругательство над человеческим достоинством»¹¹. Оправдательный приговор присяжных нес в себе грозный для самодержавия и одновременно позорный для него политический смысл. В единичном, казалось бы, факте — студент-дворянин был зверски избит спустя 15 лет после отмены телесных наказаний — беззаконность и бессудность царского режима предстали ярко и очевидно, вызвав возмущение самых разных слоев общества.

Протест, пусть еще стихийный, против произвола и бесправия и придал делу В. Засулич политический характер. Процесс над революционеркой превратился в суд над представителем власти — Треповым — это признала даже официозная печать¹². По словам революционной прокламации, «оправдывая В. Засулич, представители общественного суда обвинили всю систему, на которую Засулич так самоотверженно подняла руку»¹³. Огромная толпа на Литейной у здания Петербургского окружного суда, ликовавшая 31 марта по поводу оправдания революционерки, стала своеобразной стихийной демонстрацией общественного недовольства существующим режимом. Многочисленные письма, перлюстрированные III отделением, выражали с такой же силой неуважение к самодержавной власти, недовольство ею, как и удовлетворение оправдательным приговором, высказывавшееся с самых разных политических позиций¹⁴. Вся неофициальная печать приветствовала решение присяжных.

Дело В. Засулич, которым открылся 1878 г., сыграло особую роль в закреплении и развитии новых настроений в революционной среде. Оно поселило в ней уверенность, что подобный натиск на правительство с помощью террора может вынудить его к уступкам. Оно внушало мысль, что в этом натиске революционерам обеспечены не только сочувствие, но и активная поддержка общества. «Казалось, начинается какое-то слияние революционных течений с широкими стремлениями общества», — объяснял В. Г. Короленко — тогда участник петербургских революционных кружков¹⁵.

*

И новые тенденции в народническом движении и «совершенно особый характер» — с точки зрения семидесятников — революционной работы проявились повсеместно, хотя не одновременно и с разной степенью интенсивности. Раньше всего они обнаружались на Украине — в кружках Киева, Одессы, Харькова. Это были города с населением более чем 100 тыс., крупные железнодорожные узлы, с развитой промышленностью и многочисленным по тем временам пролетариатом. Одновременно они являлись и культурными центрами — со своими университетами, институтами, духовными семинариями. Здесь в районах, находившихся на военном положении, острее было недовольство политикой правительства. Уже в конце 1877 г. началось брожение рабочих, забурлили студенческие волнения, подняла голову земская оппозиция, оживилось национально-либеральное движение во главе с «Громадой». И в этой обстановке совместная деятельность русских и украинских революционеров, поначалу стихийно, стала менять свой характер¹⁶.

В южных кружках были представлены разные революционные течения. Наиболее влиятельным оставалось «бунтарство», в котором уже начались определенные сдвиги. Действуя в наро-

де, чтобы поднять его на восстание, «бунтари» скорее, чем сторонники «оседлой» пропаганды, обнаружили свою несостоятельность. Не случайно именно из «киевских бунтарей» вышли первые политические революционеры. Действовали среди южных народников и «пропагандисты». По разным кружкам были рассеяны и «якобинцы» — сторонники политической борьбы путем заговора. Все эти направления, переплетаясь, взаимодействуя, усиливали идейное брожение в революционном подполье. И среди этой сумятицы течений (при отсутствии единого революционного центра, единой программы) возникали все новые и новые группы и кружки — живое свидетельство как подъема движения, так и неудовлетворенности существующими формами борьбы. Еще осенью 1877 г. в Одессе стал действовать кружок И. М. Ковальского, состав которого был пестрым, представляя почти все существовавшие в движении направления (Н. А. Виташевский, В. С. Свитыч-Иллич, Л. М. Мержанова, В. Д. Кленов, сестры Е. И. и В. И. Виттен и др.). К кружку были близки будущие народоволки Г. Ф. Чернявская, Ф. А. Морейнис, Х. Г. Гринберг. Разных по взглядам революционеров объединило критическое отношение к состоянию революционной работы, понимание необходимости ее активизации, ее новых форм. И. М. Ковальский был убежден в том, что «революционеры из привилегированной среды и из народа представляют собой нечто вроде отрицательного и положительного электричества, и соединись они на самом деле — наверно, произошел бы взрыв»¹⁷. Соединиться же с народом, пришел он к выводу, можно не путем простого перемещения в его среду, а заявив о себе фактами, которые могли бы возбудить дух народа, заставив почувствовать силу революционной партии¹⁸.

В выстреле В. Засулич кружок Ковальского увидел именно такой нужный движению «опорный» факт и, приветствуя его в своей прокламации, утверждал, что «настала фактическая борьба социально-демократической партии с этим подлым правительством»¹⁹. Призыв к «фактической борьбе», зазвучавший в разных кружках, в газете «Земля и воля», не был еще осознанием необходимости борьбы политической — за права, за власть. Он выражал жажду боевого революционного действия, так и не реализованную в годы «хождения в народ» и особенно остро ищущую выхода в обстановке наступающего общественного подъема.

Просуществовав два месяца, кружок Ковальского был раскрыт. (Хозяин дома, где была конспиративная квартира кружковцев, обнаружив типографские принадлежности и прокламацию, донес на своих жильцов.) 30 января 1878 г. на Садовую улицу было послано девять жандармов²⁰. Заполнив квартиру, рассосредоточив революционеров, жандармы, казалось, лишили их возможности всякого сопротивления. И все же это сопротивление — лишенное, с точки зрения жандармов, смысла и тем самым неожиданное для них — состоялось! Для Ковальского, утверждавшего соответствие слова и дела, упустить такой шанс

для «пропаганды фактом» показалось непростительным. Считавшийся товарищами склонным к излишним размышлениям, лишенным бойцовских качеств, он в считанные минуты сделал свой выбор, пустив в ход оружие. После того как револьвер дал осечку, Ковальский кинжалом ранил трех жандармов. Почти час И. М. Ковальский, Н. А. Виташевский, В. С. Свитыч (женщины были заняты уничтожением документов) сопротивлялись девяти жандармам и вызванному на подмогу взводу солдат (40 чел.)²¹. Следы выстрелов на стенах домов по Садовой улице долго напоминали эту схватку.

Первый военный суд над участниками первого вооруженного сопротивления (20—24 июля 1878 г.) закончился смертным приговором Ивану Мартыновичу Ковальскому — первым после приговора Д. В. Каракозову. У здания суда на Гулевой улице собралась трехтысячная толпа. Столь необычное скопление народа, вопреки требованиям полиции, не расходилось в течение нескольких часов. Это была демонстрация. Власти сосредоточили у здания суда два батальона пехоты и три казачьи сотни²². После объявления приговора толпа заволновалась, солдаты сделали попытку усилить цепь казаков. Тут-то и раздались первые выстрелы. В перестрелке было убито два участника демонстрации и трое солдат²³.

Ковальского перед казнью мучил вопрос: будет ли его смерть «продуктивной для нашего общего дела»²⁴. Для оставшихся на воле его товарищей сомнений не было: «В истории русского революционного движения событие 30 января 78 г. в Одессе должно занимать очень видное место: в этот день горсть социалистов поставила ребром вопрос о фактической борьбе с императорским деспотизмом»²⁵. Характер этой борьбы как политической все более прояснялся и для самих революционеров, и для самодержавия.

На пути стихийного стремления к завоеванию демократических свобод движение уже не могло остановиться — оно разрасталось, захватывая все новые кружки и группы. Особенно ярко проявил себя кружок В. А. Осинского — Д. А. Лизогуба, выделившийся осенью 1877 г. из «киевских бунтарей» и первоначально прозванный «городскими террористами»²⁶.

Боевое ядро группы составили В. А. Свириденко (Антонов), Л. К. Брандтнер, А. Е. Сентянин, В. К. Дебогорий-Мокриевич, М. П. Ковалевская, братья Иван и Игнат Ивичевичи, И. Ф. Волощенко, С. Ф. Чубаров, И. Я. Давиденко, А. Ф. Медведев (Фомин), М. Ф. Фроленко, Н. Н. Колодкевич, С. М. Диковский (последние трое в будущем — народовольцы)²⁷. Кружок действовал в Киеве и Одессе, имея связи с подпольем Харькова, Николаева, Херсона, Кременчуга. Признанными его руководителями стали В. А. Осинский и Д. А. Лизогуб²⁸. Многие сходно в судьбах этих революционеров. Оба из дворянских семей, они получили прекрасное по тем временам образование. Пробовали силы в земской деятельности. Вступив в революционную борьбу, увлека-

лись идеями П. Л. Лаврова, становились «бунтарями», участвовали в «хождении в народ». Убеждения не расходились с жизненным поведением. Наследник громадного состояния и богатейшего поместья на Черниговщине, Лизогуб все отдал делу революции, разделяя с товарищами тяготы и лишения нелегального положения. К концу 1877 г. у Осинского и Лизогуба определилась неудовлетворенность состоянием революционного дела, потребность его активизации.

Первым боевым актом основанного ими кружка стало уничтожение 1 февраля 1878 г. шпиона Никонова. 23 февраля состоялось покушение на товарища прокурора киевского окружного суда Котляревского, окончившееся неудачей (исполнители — В. Осинский и братья Ивичевичи). В мае последовала казнь в Киеве жандармского полковника Гейкинга (исполнитель — Г. А. Попко). В феврале 1879 г. был убит харьковский генерал-губернатор кн. Д. Н. Кропоткин (исполнитель — Г. Д. Гольденберг). По следам террора шла антиправительственная агитация. Прокламации, выпускавшиеся в Петербурге и Киеве по поводу покушений, разъясняли их мотивы, призывали к борьбе с существующим режимом. Во второй по времени прокламации (февраль-март 1878 г.), посвященной покушению на прокурора Котляревского, появилась грозная подпись: «Исполнительный комитет Социально-революционной партии», скрепленная печатью с изображением пистолета, кинжала и топора²⁹.

С деятельностью южного Исполнительного комитета (ИК) связаны первые замыслы казни царя. Попытку подготовить покушение на Александра II с помощью динамита предпринял в августе 1878 г. кружок С. Я. Виттенберга — И. И. Логовенко в Николаеве. Предполагалось воспользоваться традиционной поездкой царя в Крым. Заговор в Николаеве был, по-видимому, частью заговора одесских революционеров, оставшегося нераскрытым. В Одессе кружок С. Ф. Чубарова вел свои приготовления к покушению³⁰. Кружок в Николаеве был разгромлен до осуществления своих планов.

Симптоматично для перемен в революционном движении, что за динамит взялись даже такие люди, как С. Я. Виттенберг. Человек религиозный, широко образованный, великолепно понимавший язык музыки и математики, он пользовался особой любовью товарищей. Из заключения он писал им: «Если иначе нельзя, если для того, чтоб восторжествовал *социализм*, необходимо, чтобы пролилась кровь моя, если переход из настоящего строя в лучший невозможен иначе, как только перешагнувши через наши трупы, то пусть наша кровь проливается; ...а что наша кровь послужит удобрением для той почвы, на которой взойдет семя *социализма*, что социализм восторжествует и восторжествует скоро, — это моя вера!»³¹

Южный ИК проявил себя не только в терроре. Он организовал освобождение из тюрьмы видных революционеров: Л. Г. Дейча, Я. В. Стефановича, И. В. Бохановского (исполнителем был

М. Ф. Фроленко, поступивший надзирателем в Киевский тюремный замок). Было подготовлено, но не удалось освобождение А. Ф. Медведева (Фомина), В. А. Малинки и Э. И. Студзинского. Члены ИК сделали правилом вооруженное сопротивление при аресте. Первым его оказал В. А. Осипский в Киеве 24 января 1879 г.

В начале февраля 1878 г. в Киеве при аресте на конспиративной квартире (по Жилянской ул.) группа революционеров (Л. К. Брандтнер, Н. А. Армфельдт, И. Ф. Волошенко, С. И. Феохари, П. А. Орлов, Р. А. Стеблин-Каменский, братья И. и Иг. Ивичевичи, В. К. Дебогорий-Мокриевич) дала настоящий бой властям (3 офицерам, 16 унтер-офицерам Корпуса жандармов и несколькими полицейским чинам). С обеих сторон были убитые и раненые³². Затем последовали вооруженные сопротивления в Киеве братьев В. и Г. Избицких, О. Ф. Бильчанского, в Харькове — А. Е. Сентянина.

Однако не только рядовые участники разгоравшейся битвы, но и ее полководцы еще не постигли ни политического ее смысла, ни ее возможных перспектив: неодолимое тяготение революционеров к политике сопровождалось ее боязнью. Революционеры, казалось, были близки к пониманию характера своей борьбы: «В любом из европейских, хотя и далеко не благоустроенном, государстве каждый гражданин пользуется такими правами. И не наша вина, если нам приходится добиваться их, приставив Вам нож к горлу»³³. Здесь как будто речь идет о политических свободах, но так и не произнеся этих слов, революционеры объясняют террор мстью и самозащитой. Для прокламаций ИК мотив мести, самозащиты столь же характерен, как и мотив вынужденности террора. Революционеры доказывают, что прибегли к этому противоестественному средству против воли, будучи вынуждены репрессиями правительства. Но самозащита социалистической партии, т. е. отстаивание ею права на существование в условиях самодержавного режима, не могла быть не чем, как борьбой за политические права, и революционерам неизбежно предстояло понять это.

Первые участники начавшейся схватки с самодержавием пали первыми жертвами: были казнены в Николаеве — крестьянский сын, матрос Иван Иванович Логовенко и учитель Соломон Яковлевич Виттенберг; в Одессе — сын военного писаря Иосиф Яковлевич Давиденко, дворянин Сергей Федорович Чубаров. В Киеве на месте казни Людвиг Брандтнера, Владимира Антоновича Свириденко и Валерия Андреевича Осинского присутствовал полк пехоты, казачий полк, резервный батальон. Публики было до трех тысяч, преимущественно из простого народа³⁴. Погиб на эшафоте и Дмитрий Андреевич Лизогуб. Умерли от ран, полученных в столкновении с полицией, братья Иван и Игнат Ивичевичи. Погиб в тюрьме Александр Егорович Сентянин. Григорий Анфимович Попко был отправлен на вечную каторгу. Иннокентию Федоровичу Волошенко, осужденному на 16 лет каторги, после попыт-

ки побега прибавили еще 11 лет. И все эти казни, ссылки, репрессии воздействовали на движение не менее, чем боевые действия. Они усиливали ненависть к существующему режиму, разжигали чувство мести за павших товарищей, укрепляли решимость к борьбе, по-своему подтверждая, что социально-революционная партия и самодержавие несовместимы.

Первый (южный) ИК был уничтожен до того, как новое течение окрепло и осознало себя политическим. Революционная мысль не успевала за движением, которое, стихийно вырвавшись из рамок старой полуанархистской программы и уже не подчиняясь ей, все более расширялось.

*

На севере страны политическая борьба разгорелась несколько позднее и не столь бурно, как в южных кружках, но здесь она в большей степени сопровождалась работой мысли. И тут антиправительственный террор переходил в систему: 4 августа 1878 г. был убит шеф жандармов Н. В. Мезенцев (исполнитель революционного правосудия — С. М. Кравчинский); 1 марта 1879 г. уничтожен агент III отделения шпион Н. В. Рейнштейн, 13 марта состоялось покушение на шефа жандармов А. Р. Дрентельна (исполнитель — Л. Ф. Мирский).

Террор был характерным симптомом общественной жизни страны, отсутствия в ней широкого массового движения. Террор был и признаком определенных сдвигов в идеологии народничества — отмирания в нем веры в революционную дееспособность народа. Поначалу революционеры настойчиво отрицали политические мотивы террора, давая ему нравственные и моральные объяснения. Но чем острее в обстановке революционного кризиса ставились нравственные проблемы, тем яснее проступал политический характер борьбы. Симптоматично, что большинство прокламаций этого периода написаны от имени «честных людей» и обращены к «честным людям»³⁵. Понимание несовместимости человеческого достоинства, чести с существующим режимом было одной из ступеней осознания необходимости бороться за гражданские права. «Мы зовем народ к защите его прав, к протесту против угнетения и несправедливости. Нельзя нам, стало быть, допускать безнаказанного попирания и наших прав, и нашего достоинства», — доказывали революционеры³⁶. Они именовали эти права «человеческими», доказывая, что «политические формы сами по себе для нас совершенно безразличны»³⁷. Сквозь завешения в равнодушии к политике уже пробивались требования — (с анархизмом несовместимые) — административно-политических реформ, свободы слова, печати, убеждений³⁸. И утверждение, что цель их борьбы — «добиться политической свободы»³⁹, подмывало под себя все бакунистские оговорки.

Выражением нового — боевого — настроения революционеров на севере страны, как и на Украине, были столкновения с вла-

стями. 1 июля 1878 г. землевольцы, напад на конвой, пытались освободить П. И. Войнаральского — участника процесса «193-х». В декабре 1878 г. состоялись вооруженные сопротивления при аресте революционеров М. А. Коленкиной, В. Д. Дубровина, при побеге — С. Н. Бобохова.

Пропагандистов, идущих в народ, арестовывали сотнями — они и не думали сопротивляться, будучи, как правило, безоружны. Теперь оружие становится столь же необходимой принадлежностью революционера, как в 70-е годы — пропагандистские брошюры. Владеть им учатся с таким же увлечением, с каким в период «хождения в народ» обучались ремеслам. А. И. Желябов, одним из первых начавший склоняться к политике, в 1878 г. в Одессе завел знакомства с артиллеристами, у которых брал уроки минного дела (на одном из которых он был ранен)⁴⁰. Весной 1879 г. и Н. И. Кибальчич понял, что «партии в ее террористической борьбе придется прибегнуть к таким веществам, как динамит, решил изучить приготовления и употребление этих веществ»⁴¹. Профессиональный военный — революционер В. Д. Дубровин — считал главной задачей движения этого периода вооружаться и овладеть всеми боевыми навыками. Он составил нечто вроде справочника по разным видам и системам оружия, доказывая необходимость распространения этих сведений в революционной среде⁴².

Террор и вооруженные сопротивления властям в самодержавной стране не могли быть не чем иным, как борьбой политической. Именно так и восприняло их самодержавие, ответив казнями Сергея Николаевича Бобохова и Владимира Дмитриевича Дубровина, приговорив к 10 годам каторги Марию Александровну Коленкину.

Политические противоречия в стране все более обострялись. Свидетельством роста общественного недовольства явились такие новые для русского освободительного движения формы борьбы, как демонстрации, сходки и митинги. Для самодержавной страны казалось бы немыслимые, эти формы протеста тем не менее проявились в начале демократического подъема ярко и бурно, подтверждая его наступление.

В декабре 1877 г. состоялись похороны поэта Н. А. Некрасова. После мучительной долгой болезни Некрасов уходил из жизни с ощущением, что «сморкли честные, доблестно павшие» (как писал он об участниках первых политических процессов), что «вихорь злобы и бешенства носится» над его «безответною родиной». Но на похороны поэта пришла Россия не «безответная», а протестующая, представленная разными слоями населения — и своим молодым поколением и своей революционной силой.

Толпа на Новодевичьем кладбище (в Петербурге), простоявшая здесь с утра до сумерек, восторженно встретила слова Ф. М. Достоевского о «последнем великом поэте» «из господ», о том, что близко уже время, когда «новый великий поэт... явится из самого народа». Это было воспринято как «предсказание бли-

зости глубокого социального переворота, как своего рода пророчество о народе, грядущем на арену истории». «Правда, правда!» — кричали Достоевскому молодые голоса из толпы⁴³.

Говоривший о революционном значении поэзии Некрасова Г. В. Плеханов был окружен тесным кольцом своих вооруженных соратников, готовых ответить на полицейское насилие дружным залпом⁴⁴. Когда стемнело, революционеры устроили сходку в ближайшем к кладбищу трактире, где продолжали звучать речи о значении поэзии Некрасова и его стихи: «Иди в огонь за честь отчизны, За убежденье, за любовь... Иди и гни безупречно. Умрешь не даром: дело прочно, когда под ним струится кровь...» «А что если бы начальство окружило трактир солдатами и арестовало находившихся там, — заметил один из присутствующих, — ведь в его руках оказался бы чуть не весь штаб русской революции»⁴⁵.

Сравнительно благополучный исход первых демонстраций в значительной степени связан с растерянностью правительства перед лицом нового для него явления. Демонстрации 25 февраля 1878 г. на похоронах А. А. Подлевского, погибшего в заключении, полиция пыталась противодействовать, но еще неумело и не активно. Отбив у полицейских гроб, толпа (около 300 человек) от Николаевского госпиталя, на пути непрерывно разрастаясь и вступая в схватки с полицией, двинулась по Кировой, Воскресенской, Фуришадской на Литейную к зданию Петербургского окружного суда. Здесь гроб был высоко поднят под похоронное пение, затем шествие продолжалось по Шпалерной к дому предварительного заключения, а оттуда на Выборгское кладбище⁴⁶. Несмотря на то что по полицейскому уставу «всякое сходбище, противное общественному порядку, должно быть полицией в самом начале рассеяно, в крайности даже военной силой», во время демонстрации 31 марта 1878 г. у здания Петербургского окружного суда полицмейстер А. Дворжицкий дважды посылал за инструкциями к генерал-майору Козлову (исполняющему после ранения Трепова должность градоначальника). Ответ был: «Если стоят смирно, то оставить в покое»⁴⁷. Однако растерянность в «верхах» продолжалась недолго.

Демонстрацию в Москве 3 апреля 1878 г. власти встретили уже во всеоружии. Она была организована «Землей и волей» по случаю прибытия в Москву арестованных киевских студентов, отправляемых в пересыльную тюрьму. Собравшиеся на Курском вокзале до 200 встречающих криками «Ура!», «Да здравствует свобода!» приветствовали вагон с осужденными. Растущая толпа (до 5 тыс. человек) следовала за каретами с арестантами до Моховой⁴⁸. В Охотном ряду демонстранты были зверски избиты мясниками, зеленщиками и другими лавочниками. Около трех часов при полном бездействии полиции продолжалась зверская бойня. Землевозы не сомневались в полицейской провокации. Они правильно разгадали маневр правительства: доказать Европе и

обществу, что «простой народ» поддерживает царя, а не революционеров⁴⁹.

Забегая вперед, надо сказать, что с дальнейшим развитием революционной ситуации такая форма борьбы, как демонстрации, исчезает. И дело не только в том, что правительство, поняв всю опасность «уличных беспорядков», усилило репрессии. Сама логика дальнейшего развития революционной борьбы исключала ее массовые формы. Чем больше революционеры сосредоточивались на терроре, тем менее активной становилась городская масса, тем более ощущала она себя не участником, а зрителем развертывающегося на ее глазах единоборства героев-террористов с самодержавием.

*

В общем демократическом подъеме рабочий класс выделился своей активностью, причем неожиданно для народников, нарушая сложившееся у них представление о пролетариате, его роли в революции, соотношении с крестьянством. И хотя эти представления теоретически не были пересмотрены, революционная практика народников, устремившихся в гущу рабочего класса, уже оставила их позади. Деятельность в рабочей среде для народников, по сути дела, шла «против теории». Нарастание революционного кризиса заставляло прислушиваться к жизни и ею корректировать практику. В рабочей среде деятельность землевозов встречала такую отдачу, проявляла такую результативность, которые не шли ни в какое сравнение с итогами «сиденья» по деревням. Конечно, народники были по-прежнему далеки от признания в русском рабочем пролетарии западного типа. Да и сам рабочий класс России еще не был классом развитого буржуазного общества. Однако с первыми же шагами рабочего движения революционеры увидели в нем резерв борьбы с самодержавием, союзника в начинающемся общем антиправительственном натиске. Увидели, несмотря на то, что стачки конца 70-х годов носили, казалось бы, ограниченный, экономический характер. Да и сами народники, фактически уже встав на путь политической борьбы, не призывали рабочих к выдвижению политических требований, объясняя это тем, что по сравнению с экономическим освобождением гражданские свободы ничего не значат⁵⁰.

Но в своей агитационной литературе народники первые сказали русскому пролетариату, что при существующем строе «рабочему человеку защиты искать негде», что хозяина фабрики всегда поддержат полиция и высшее начальство. Они призывали рабочих к солидарности («вместе вы — сила»), оказывали помощь стачечникам, учили основам конспирации⁵¹.

В. И. Ленин как характерное явление конца 70-х годов XIX в. отметил обращение народников к рабочим, участие их в стачечной борьбе⁵². Участие это было многообразным. В ряде крупных стачек революционеры помогли рабочим выдвинуть и оформить свои

требования (см. гл. 7), выстоять, наладив сбор средств в пользу стачечников, выступив связующим звеном между разными предприятиями.

Живое соприкосновение с пролетарской массой, участие в ее борьбе и привело к новой постановке рабочего вопроса. В рабочих признали важный резерв будущей революции. И хотя рабочий вопрос по-прежнему оставался частью аграрного, а пролетариат мыслился как союзник главной силы революции — крестьянства, этот новый подход способствовал и выдвижению новых задач практической деятельности: не заведение связи с отдельными рабочими для подготовки их к походу в деревню, а агитационное воздействие на «массу пролетариата», ее «революционизирование и организация на почве местных рабочих нужд»⁵³. Зимой 1878/79 г. революционеры уже «считали необходимым двигать рабочих на борьбу с хозяевами за свои насущные интересы. Борьба должна была дать рабочим единство и уяснить их положение как сословия. Одним из главных средств борьбы признавалась стачка»⁵⁴.

Не уяснив классовой сущности пролетариата, народники, естественно, не могли способствовать его классовому самосознанию. Насколько далеки были они от понимания пролетарского пути борьбы, показывает хотя бы их стремление соединить рабочие выступления с фабричным террором⁵⁵. Эта форма борьбы так и не смогла привиться в среде пролетариата, как чуждая ему: рабочее движение развивалось по своим объективным законам. Народникам не удалось возглавить рабочее движение. В период второй революционной ситуации оно оставалось стихийным, а народническое движение — изолированным от поддержки масс⁵⁶.

Способствуя возбуждению рабочих стачек, участвуя в них, революционеры содействовали вовлечению рабочих в общее русло демократической борьбы.

В это же время «Земля и воля» более серьезное внимание, чем предписывала ее программа, начинает уделять студенчеству. Имена землевольцев мелькают в жандармских донесениях об организации студенческих волнений и сходок⁵⁷. Они оказались причастными ко всем значительным волнениям молодежи в Петербурге и Москве (см. гл. 9). На сходках после охотнорядской бойни во дворе Московского университета (4 апреля присутствовало около 1000 человек, 5 апреля — 400) революционеры объясняли молодежи провокационный замысел правительства, натравившего на студентов лавочников⁵⁸.

Землевольцы не только несли в студенческую массу свои издания — брошюры, прокламации, газеты, — но и совместно с представителями студенчества выпустили ряд листовок⁵⁹. Обществу, только пережившему русско-турецкую войну, землевольческие листовки рассказывали, что во время волнений студентов на них «было сделано нападение вооруженной силой, как на неприятеля, их били полицейские чины и надругались над ними». Революционеры обращали внимание, что в стране, «гибнущей от недостат-

ка образованных людей, человек, ищущий высшего образования», трактуется как «занимающийся темными и бесчестными делами»⁶⁰.

Землевольческие прокламации ставили самые злободневные вопросы положения студенчества при самодержавном режиме. «Над русской молодежью стоят городовые и жандармы, заглядывают ей в душу и определяют степень ее частности и гражданственности; самых честных из этой молодежи душат в казематах без суда и следствия»⁶¹. Рассказывая, как «из молодого поколения выхлестывают нагайками» остатки веры в правительство, революционеры обращались с призывом к обществу, к армии поддержать студенческие протесты⁶².

Деятельность в городе, в таких размерах и в таком направлении не предусмотренная программой «Земли и воли», незаметно для революционеров захватила все их силы. Часть народников оставила деревню под натиском полицейских преследований. Часть — и таких было большинство — разуверилась в своем «сиденье» в народе, не видя реальных результатов. Вести о развернувшейся в городах борьбе зачастую срывали народников с места. Некоторые, приехав в город по партийным делам (за средствами, инструкциями), неожиданно для себя оставались, вовлеченные в городские дела. В конце 1878 г. осталось всего два поселения в деревне — новосаратовское и тамбовское — как некие напоминания о недавнем прошлом движении, уже изменившем свой характер.

Г. А. Лопатин в ноябре 1878 г. верно информировал Ф. Энгельса о том, что «социалистическая пропаганда среди крестьян, по-видимому, почти прекратилась. Наиболее энергичные элементы из числа революционеров перешли инстинктивно на путь чисто политической борьбы, хотя и не имеют еще нравственного мужества открыто признаться в этом»⁶³. В движении создалось исключительное положение, когда под знаменем «Земли и воли» действовала, казалось, совсем другая организация, осуществляя акции не только не предусмотренные, но и противоречащие ее программе.

Революционная печать с ее идейным разбродом, отсутствием единой линии была еще одним свидетельством кризиса в «Земле и воле». Начавшая выходить с октября 1878 г. газета «Земля и воля» широко освещала развернувшуюся антиправительственную борьбу во всех ее формах. Но на ее же страницах звучали предостережения «от слишком сильного увлечения этого рода борьбой», напоминалось, что не этим путем можно добиться освобождения рабочих масс⁶⁴. Землевольцы были уже не столь категоричны в своем отрицании значимости политических свобод, хотя продолжали понимать их как побочный продукт социального переворота. Совсем не по-бакунистски признавалась необходимость свободы передвижений, личной неприкосновенности, отмены паспортной системы, права контроля за властями⁶⁵. Но революционерам снова и снова напоминалось, что главная их цель — под-

готовка народной революции, их настоящее место — в народе, в деревне. Однако движение уже устремилось на новый путь — к борьбе за завоевание политических прав. Необходимость этой борьбы диктовалась обстановкой общественного подъема. Она вытекала и из самого осмысления опыта «хождения в народ». Не поняв истинных, глубинных причин своих неудач, революционеры склонны были связывать их с правительственными репрессиями. «Правительство грудью загородило путь в народ и сделало ее целью, которую менее всего желала иметь партия», — объяснял А. Д. Михайлов⁶⁶. И сам этот народ — бесправный, темный, забитый, неподдающийся пропаганде именно в силу своей забитости и темноты — также заставлял думать о значении гражданских свобод. К мысли о необходимости завоевания политических прав толкало и положение самой партии, вынужденной в самодержавной стране непрерывно с оружием в руках отстаивать право на свое существование.

Особый смысл для решения вопроса о месте политики в борьбе революционеров приобретало обсуждение перспектив социально-экономического развития. Два пореформенных десятилетия накопили уже значительный материал для подведения революционной мыслью некоторых итогов.

Вопрос о судьбах капитализма в России интенсивно обсуждается в легальной журналистике (см. гл. 11). Становилось все яснее, что капитализм утверждается, захватывая в стране основные позиции. В №№ 3—4 «Земли и воли» за 1879 г. появилась статья Г. В. Плеханова «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России». Возможность для России некапиталистического пути утверждалась здесь ссылками на К. Маркса, как бы исходя из его учения. Плеханов доказывал, что, «пока за земельную общину держится большинство нашего крестьянства, мы не можем считать наше отечество ступившим на путь того закона, по которому капиталистическая продукция была бы необходимою станцией на пути его прогресса»⁶⁷.

Вывод напрашивался сам собой — «перескочить» через капитализм можно только путем скорейшего вмешательства революционных сил в социально-экономический процесс. А это снова выдвигало проблему свержения самодержавия, в котором народническая мысль видела основной источник и оплот всяческой — в том числе и буржуазной — эксплуатации.

Публицистика 1878—1879 гг. с целым роем возникших в ней новых проблем и с настойчивым отстаиванием старых догм, с попытками разобраться в итогах народнического движения и заглянуть в его будущее была проникнута одним настроением. Вся она, еще не признававшая политики, дышала такой ненавистью к самодержавному строю, такой неумной жаждой борьбы с ним, что, казалось, исходила от людей, уже совершенно сознательно отдававшихся политической борьбе и не сомневавшихся в ее необходимости.

*

Осенью 1878 г., после провала основного кружка «Земли и воли» и ареста видных ее членов: М. А. Натансона, А. Д. Оболенева, А. П. Буланова, А. Ф. Михайлова, В. Ф. Троцанского, А. Н. Малиновской, Л. Ф. Бердникова, вопрос о дальнейшем пути обесилевшей организации стал уже практически неотложным. Необходимость нового курса диктовалась особой обстановкой в стране: всеобщим недовольством, начинающимся брожением во всех слоях населения. «Оставаться только зрителями этого движения значит признать свою полную ненужность для народа и неспособность дать ему, что бы то ни было. При таком способе действий мы, как партия, уничтожаемся, выходим в тираж»⁶⁸ — так ставился вопрос большинством землевольцев, отказывавшихся от бакунистской позиции невмешательства в политику.

Однако, как и всегда, в переломный для движения момент в нем оказались люди, на которых, по словам А. Д. Михайлова, «теория влияет более, чем логика фактов»⁶⁹. «Логикой фактов» — всеобщим нарастающим недовольством, признаками растерянности правительства — были захвачены все. Но одни готовы были пересмотреть сложившиеся представления, скорректировать их требованиями времени; другие же исходили из незыблемости программных установок и готовы были под них подгонять сами запросы действительности.

Одним из лидеров «политиков» стал Александр Дмитриевич Михайлов (Дворник). В числе первых он уловил требования момента и, поставив интересы живого революционного дела выше идейного престижа, смело стал пересматривать программу, в составлении которой в свое время принимал участие. Его единомышленниками были А. А. Квятковский, Н. А. Морозов, М. Ф. Фроленко, А. И. Баранников, Л. А. Тихомиров. Преодоление бакунистских догм было нелегким: они прекрасно уживались с основами идеологии народничества, с ее верой в крестьянство как творца социалистической революции и устроителя будущего общества. Признание политических целей как отдельных и самостоятельных нарушало цельность старой теории и требовало ее перестройки, к которой движение еще не было готово ни идейно, ни психологически. Вовлеченные в водоворот политической борьбы, революционеры, привыкнув считать ее злом, боялись ее программного «узаконения».

Лидером «деревенщиков» стал Георгий Валентинович Плеханов — один из основателей «Земли и воли». С головой ушедший в работу среди пролетариата, обучавшийся владеть оружием, восхищавшийся мужеством и самоотверженностью первых террористов, остро переживший гибель близких товарищей в начавшейся схватке — этот Плеханов в то же время яростно противился пересмотру старой программы. Он не уставал повторять, что «новый путь» чреват для партии губительными последствиями —

забвением социалистических целей, отрывом от масс. Теоретический ум Плеханова многое предвосхитил в развитии нового направления. Бланкистские тенденции явно еще не обнаружались, а Плеханов уже заговорил об опасности для партии вырождения в группу заговорщиков, предостерегал, что «перевороты бывают гораздо более прочными, когда они идут снизу»⁷⁰. Но его предостережения, справедливые в своей основе, серьезно аргументированные, не усваивались движением, поскольку делались с позиций, уже дискредитированных жизнью. Предостерегая, критикуя, отрицая новый — политический — путь, Плеханов не указывал другого, кроме старого пути — «в деревню», который для большинства уже казался пройденным и не сулящим никаких перспектив. В боевых делах, в работе среди пролетариата и молодежи «политики» и «деревенщики» участвовали с равным энтузиазмом. Но как только речь заходила об освещении нового направления борьбы в партийном органе, ярые приверженцы старой программы — Г. В. Плеханов, М. Р. Попов, О. В. Аптекман — и их единомышленники грудью вставали на ее защиту. Затруднения в работе редакции вызвали издание (с марта 1879 г.) «Листка „Земли и воли“» для освещения текущей борьбы. Редактором его стал Н. А. Морозов — молодой, но опытный революционер. В своем увлечении террором — столь же наивном, как и фанатичном — Морозов отразил крайности терроризма, бывшие издержками нового направления на раннем этапе его. Он доказывал, что политические убийства есть самый современный и целесообразный способ осуществления революции. «Листок» впервые заговорил о «революции против деспотизма», отделяя от социального переворота эту ступень борьбы, признавая ее самостоятельной задачей. Это означало оформление в «Земле и воле» политического направления как фракции, что предвещало дальнейшую внутриорганизационную борьбу. С особой силой она вспыхнула, когда из саратовского поселения в конце марта 1879 г. в Петербург прибыл А. К. Соловьев с намерением убить Александра II.

Решение Соловьева не было чем-то неожиданным для землевольцев. Имея в виду планы южных революционеров, можно сказать, что мысль о царевубийстве носилась в воздухе с тех пор, как началась борьба с правительством⁷¹. Царь был живым воплощением принципа самодержавия, символом зла существующего строя, и замысел его казни явился такой же трансформацией идеи политической борьбы, какой был террор.

Вопрос о покушении на Александра II был вынесен на Большой совет «Земли и воли» и обсуждение его вылилось в бурную дискуссию. «Деревенщики» говорили о возможности «совсем сойти с рельсов», называли Соловьева «губителем народнического дела»⁷².

Наступательные речи «политиков» в защиту нового пути и не менее страстная отповедь «деревенщиков» показали, как далеко зашел процесс идейного расхождения в «Земле и воле».

2 апреля 1879 г. Соловьев стрелял в императора, но неудачно, и тут же был арестован. «Листок „Земли и воли“» объяснял этот акт протестом против «небывалого административного гнета», «мертвящего произвола». «Этот дикий произвол, отнимающий у социалистов всякую возможность действовать, превратил их в революционеров, кинул их на путь вооруженной борьбы и завязал их отношения к правительству в такой узел, что им теперь остается сказать: „Вы или мы, мы или вы, а вместе мы существовать не можем“»⁷³.

К такому же выводу приходило и правительство. Пока движение не выдвигало политических задач, отдавшись деятельности в народе, оно, несмотря на размах, не казалось самодержавию столь опасным. Новое направление борьбы народников заставило самодержавие считаться с ним как с непосредственной угрозой. Террор действительно устрашал правительство, но не столько сам по себе, как полагали революционеры, сколько по причине всеобщего недовольства — беспокойствия в деревне, волнений рабочих, студенческих «беспорядков», оживления либерально-земской оппозиции. В этой обстановке правительство боялось террора как прелюдии к всеобщему взрыву, реальность которого в те дни ни для кого не подлежала сомнению. И самодержавие в страхе и ярости усиливало свой, белый террор. 28 мая 1879 г. был казнен Александр Константинович Соловьев. С апреля по декабрь 1879 г. были приведены в исполнение 16 смертных приговоров над революционерами⁷⁴. Тюрьма, каторга, ссылка, административная высылка без суда стали будничным фактом в жизни страны. Но террор как форма борьбы всегда есть симптом слабости. И если революционный террор был признаком отсутствия массового движения, условий для восстания, то правительственный террор не менее красноречиво свидетельствовал о неуверенности самодержавия, о невозможности для него опереться на широкие социальные слои, призвать их к поддержке существующего режима. Революционеры явственно ощущали и эту неуверенность, и страх правительства перед кипавшей в стране борьбой. А это в свою очередь усиливало их энергию, увеличивало веру в то, что подходящий момент для атаки на власть настал.

*

Политическое направление в народничестве разрасталось и крепло, обнаруживая тенденцию к организационному оформлению. После разгрома южного Исполнительного комитета его имя восприняла боевая группа в «Земле и воле», став зародышем новой организации в недрах старой. С апреля землевольцы готовились к съезду, который должен был обсудить вопрос о дальнейшем пути организации, о месте в ее программе политической борьбы.

Помимо кружков Петербурга, Москвы и городов Украины, новые тенденции обозначились повсеместно, проявляясь с разной

интенсивностью и с большим или меньшим опозданием. Так, несколько отставали от революционеров Украины кружки в районах Ставрополя, Дона, Кубани. Они переживали свой переходный период летом 1879 г. У здешних революционеров в это время уже были в ходу необычные для 70-х годов лозунги: «Свобода и воля», «Долой царя, вон правительство», которые появились в местной прокламации. Проникают сюда и издания «Земли и воли», усиливая боевые настроения в местном подполье⁷⁵.

Значительно позднее новые черты проявились в деятельности народников Белоруссии: до конца 1879 г. здесь продолжалась работа среди крестьянства. Но и сюда проникают землевольческие издания, не без влияния которых наметилось оживление городской деятельности минской народнической группы⁷⁶.

Необычная обстановка в стране, слухи о революционных событиях в центре ставили перед местными революционерами новые проблемы. «Влияние действительности было так характерно и однообразно,— объяснял А. Д. Михайлов,— что скоро стала чувствоваться потребность объединения, выдвигаемого жизнью, нового направления. Единомыслие отдельных членов различных кружков, разбросанных по всей России, вследствие их постоянного общения между собой тотчас же обнаружилось и привело в июне 1879 г. многих из них в Липецк»⁷⁷.

Собравшийся в Липецке (15—17 июня 1879 г.) съезд «политиков» не был фракционным съездом «Земли и воли». На нем присутствовали представители политического направления и не состоявшие в организации (из южных кружков — А. И. Желябов, Н. П. Колодкевич, Г. Д. Гольденберг, из Петербурга — С. Г. Ширяев)⁷⁸. Характер съезда был представительным, что подтверждается записями голосования на нем⁷⁹. Наряду с признанными землевольскими лидерами нового направления на съезде обозначилась руководящая роль Желябова. Имя Андрея Ивановича Желябова в революционной среде было известно еще с начала 70-х годов, когда его, студента юридического факультета, как вожака «беспорядков» в Новороссийском университете выслали из Одессы. Вскоре оно зазвучало среди имен видных участников «хождения в народ», а затем повторялось в связи с процессом «193-х». Не столь, как другие семидесятники, чуждавшийся «политики», Желябов в то же время оставался одним из «последних могикиан» движения в народ — еще летом в 1878 г. он действовал в деревне. С конца 1878 г. находясь в южных городах, он не спешил присоединиться к какому-либо кружку. Зимой 1878/79 г. Желябов был захвачен политической борьбой. В Липецке он завоевал всеобщее доверие и уважение. Не меньше, чем его теоретическая уверенность и здравомыслие, привлекали товарищей его сила, удаль, красота. Рассказывали, что, в бытность в деревне, он один ходил с вилами на быка, которого все боялись. Когда ехали на очередное заседание съезда, проходившего за городом под видом пикника, Желябов, демонстрируя силу, на спор поднял пролетку за заднюю ось. Сын крепостного

крестьянина, он был в глазах революционеров живым символом приобщения народа к борьбе с самодержавием, которую они начинали.

А. И. Желябов обнаружил не только единомыслие с «политиками», но и более глубокое понимание некоторых проблем движения. Не опровергая традиционную точку зрения, что «социально-революционная партия не имеет своей задачей политических реформ», что это дело «либералов», Желябов обратил внимание на то, что эти последние бессильны и неспособны «дать России свободные учреждения и гарантии личных прав»⁸⁰. В момент всеобщего подъема, серьезного оживления либеральной оппозиции Желябов утверждал, что в России, кроме революционной партии, нет силы, которая могла бы вырвать у самодержавия права. В то же время он доказывал невозможность идти к социалистической цели иначе, как «сломив деспотизм», дав России политические формы, при которых станет возможной идейная борьба⁸¹.

Общий съезд землевольцев в Воронеже 19—21 июня отверг попытку «политиков» внести в программу задачи политической борьбы, но постановил необходимым «особое развитие... борьбы с правительством» по дезорганизации его сил⁸². Неудовлетворенные решениями съезда, обе фракции в послесъездовских дискуссиях вновь столкнулись в яростных спорах. Снова и снова убеждали «деревенчики», что террор, усилив репрессии правительства, создаст невозможность деятельности в деревне и послужит на пользу лишь привилегированному классам, которые вымолят себе соответствующую конституцию. И не менее горячо агитировали «политики» своих товарищей, с которыми им так не хотелось расходиться, вновь доказывая, что террор «всколыхнет массы, пробудит народ от векового сна», наглядно покажет ему, что существует сила, защищающая его интересы⁸³.

Ни железная, казалось бы, логика Плеханова, ни огромный авторитет В. И. Засулич (ужасавшейся, с какой неуклонностью террор овладевает движением), ни моральные обязательства перед заключенными в тюрьме товарищами, оттуда приславшими свой протест против «политической» борьбы⁸⁴, не могли остановить «политиков» в их стремлениях. Сама действительность властно выдвигала политические требования, и ее воздействие оказалось решающим.

Между тем обе фракции еще более обособились в своих действиях. А в землевольческом центре непрерывные конфликты по общим и частным вопросам фактически парализовали деятельность организации как единого целого. С апреля 1879 г. из-за борьбы в редакции и в типографии не выходила газета. Вопрос о политической борьбе, обойденный резолюцией Воронежского съезда, снова и снова вставал перед землевольцами, делая неизбежным нежелательный для всех разрыв. 15 августа 1879 г. на Петербургском съезде произошел окончательный раздел «Земли и воли» на две самостоятельные организации. Канцелярия (доку-

менты, печати) и типография оставались за «политиками» — как за большинством. Касса делилась поровну. Сторонники старой программы назвали свою организацию «Черный передел», как бы подчеркивая первоочередную значимость требований социально-экономических в их народном осознании. «Народная воля» — имя, которому суждено было определить целый период разночинского освободительного движения, — родилось в долгих спорах. Призывное, как звук набата, мобилизующее, как боевой лозунг, оно в то же время было достаточно емким, чтобы все недовольные существующим режимом могли услышать в нем отзвук своих требований. Воля народа как выражение его стремлений и чаяний. Воля народа как политическое и социальное его освобождение. И, наконец, воля народа как свобода от гнета самодержавия, завоевание демократических прав.

Итак, в России появилась революционная организация, поставившая задачу свержения самодержавия как самостоятельную и первостепенную. «Народовольцы сделали шаг вперед, перейдя к политической борьбе»⁸⁵. Для освободительного движения этот шаг означал выход из кризиса, обретение перспектив развития, возможность расширения фронта борьбы, привлечения к ней всех недовольных и оппозиционных сил. Для страны возникновение «Народной воли» в обстановке обострения социальных противоречий значило усиление натиска на самодержавие, углубление кризиса «верхов», т. е. новую ступень в развитии революционной ситуации.

2. Схватка народовольцев с самодержавием

«Народной воле» предстояло перед лицом русского освободительного движения, общества и правительства определить свои цели и задачи, средства и формы борьбы. Недавние единомышленники, сплоченные ранее самим признанием политической борьбы, обнаружили здесь серьезные расхождения. Программа народовольцев рождалась в идейной борьбе не менее острой, чем предшествующие битвы «политиков» с «деревенщиками»⁸⁶. Был отправлен в бессрочный отпуск за границу Н. А. Морозов, пытавшийся отстаивать идею террористической революции как общепартийную. Не прошла «якобинская» концепция политической борьбы как захвата власти путем заговора и декретирования «сверху» социальных преобразований. Ее представляли «орлята» — ученицы П. Г. Заичневского из его Орловского кружка М. Н. Опанина, Е. Д. Сергеева — жена Л. А. Тихомирова, а также он сам, уже назначенный редактором органа «политиков». Не встретил сочувствия и не вызвал долгих прений проект программы, предложенный А. И. Зунделевичем, утверждавший борьбу за политические свободы и парламент для последующей мирной борьбы за социализм. В итоге дискуссий возобладала точка зрения А. И. Желябова — А. Д. Михайлова, по которой политическая борьба должна была послужить прелюдией народ-

ной революции, политический переворот слиться с социальным. Она-то прежде всего и обозначилась в программе, как бы примиряя политику с социализмом, основы народнической программы с политической борьбой. Но и все другие мнения в той или иной степени нашли отражение в программе, которая, будучи результатом коллективной мысли, подобрала в себя разные оттенки нового направления. В определении идеала — т. е. программы максимум — народовольцы твердо заявили себя социалистами и народниками. Декларируя приверженность общинному строю, местному самоуправлению, отстаивая право народа на землю, новая партия шло — даже как о далекой цели — не обмолвилась об анархии, без которой семидесятники (вплоть до землевольцев) не мыслили социализма. Как раз от утверждения социалистического идеала отталкивается в программе обоснование политической борьбы: политический переворот, как утверждалось, способствовал бы «широкому развитию» общинных принципов и дал бы «совершенно новое направление в народном духе всей нашей истории», поскольку бы народ «получил возможность жить и устраиваться так, как хочет». Отсюда как ближайшая и первостепенная выдвигалась задача «снять с народа подавляющий его гнет современного государства, произвести политический переворот с целью передачи власти народу»⁸⁷.

Требование политических прав народу, объяснял А. Д. Михайлов, «это лозунг уже не социалиста только, а всякого развитого и честного русского гражданина, а потому, нет сомнения, им определяется для России ближайший шаг прогресса»⁸⁸. Как и предшествующие народнические программы, народовольческая была бессознательным смещением социалистических и демократических задач. Она в одном ряду выдвигала требования национализации фабрик и заводов, передачи земли народу и свободы слова, печати, собраний. Но ее отличает обоснованность именно демократических требований, выделение их как самостоятельных и первоочередных. В последующих документах «Народной воли» вера в одновременный политический и социальный переворот уживается с представлением, что наиболее вероятно первоначальное осуществление требований демократических как отдельного этапа борьбы за социализм⁸⁹.

Такое представление свидетельствует о новой ступени зрелости движения, хотя оно еще и было далеко от принципиально осмысленного отделения демократизма от социализма. И допуская, что политический переворот, установление «народоправления» не совпадет с социальным, а лишь послужит основой для дальнейшей борьбы за социализм, народовольцы имели в виду различия во времени, продиктованные обстоятельствами, а не различие этапов, имеющих равную классовую базу и соответствующую ей цель.

Созданная в кризисной социально-политической обстановке как партия *действия*, «Народная воля» с первых дней существования развернула многоплановую борьбу. Впервые в стране жес-

точайшего цензурного гнета в таких масштабах была организована бесцензурная печать. Вольное русское слово в период второй революционной ситуации звучало уже не из Лондона или Женева. На газете «Народная воля», выходящей тиражом 2—3 тыс. экземпляров, рядом с датой значилось: «Петербургская вольная типография». «Народная воля» открывалась передовой, посвященной, как правило, задачам политической борьбы с самодержавием, популяризации идеи демократического переворота, намеченной программой. Газета обобщала все предрассудки анархизма и давала им решительный бой. Уже в № 1 опровергался традиционный довод бакунистов, будто, участвуя в политической борьбе, «мы загибаем своими руками жар для других, что результатами победы воспользуется не народ и не социалисты». «Именно устранившись от политической борьбы, — настаивали народовольцы, — мы подготовляем победу для враждебных народу элементов, просто дарим им власть, которую обязаны были бы отстоять для народа»⁹⁰. Доказывалась невозможность действовать в народе при существующих политических условиях, утверждалась необходимость для этого «создать такой государственный строй, при котором бы деятельность в народе не была бы наполнением бездонных бочек Данаид»⁹¹. Борьба с самодержавием как оплотом всяческой эксплуатации, главным препятствием к социальному перевороту оценивалась как «важнейшая историческая услуга народу»⁹².

Протестуя против апатизма, разрывая с ним, «Народная воля» утверждала: «Правительство объявляет нам войну: хотим мы этого или не хотим, оно нас будет бить. Мы, конечно, можем не защищаться, но от этого, кажется, еще никто никогда не выигрывал»⁹³.

В переполненной шпионами и полицейскими столице империи систематическое появление такой газеты, объявлявшей войну существующему режиму, приговаривавшей его к смерти, производило не меньшее впечатление, чем террористические акты.

В середине января 1880 г. первая типография «Народной воли» в Саперном переулке в Петербурге была открыта полицией и взята после ожесточенного боя. Работники типографии (Н. К. Бух, С. А. Иванова, Л. И. Цукерман, А. Лубкин) оказали вооруженное сопротивление: около ста выстрелов было сделано с обеих сторон⁹⁴. Вновь налаженная народовольческая типография заработала с июня 1880 г. на Подольской улице.

Во главе организации «Народная воля» встал ИК, которому подчинялись все кружки и группы местного и специального назначения, входящие в организацию⁹⁵. Первый состав его нес на себе печать подъема общественного движения, выдвинувшего разом целую когорту революционеров, вставших вровень с выдающимися деятелями европейских революций. Члены ИК были молоды (средний возраст не превышал 27—28 лет), хорошо образованны (большинство окончило университетский курс или училось в высших учебных заведениях). Все были профессио-

нальными революционерами, находящимися на нелегальном положении⁹⁶. Большинство уже привлекалось к следствию, арестовывалось, пережило заключение или ссылку. Одновременно в ИК находилось обычно около 25 человек — аресты то и дело вырывали из его рядов одних членов, а на смену им приходило новое пополнение из ближайших агентов ИК.

Первый состав ИК представлял собой то удачное сочетание способностей своих членов, при котором каждый из них становился особо нужным, внося в деятельность что-то свое, неповторимое. Блестящий организатор, Александр Дмитриевич Михайлов оставался твердым стражем организации, убежденнейшим проводником принципов централизации, конспирации и дисциплины. Его нравственное влияние на революционную молодежь было огромно — он был как бы олицетворением боевых традиций движения.

Практическая сметка Михаила Федоровича Фроленко, столь ценная при составлении очередного боевого предпринятия, его беззаветная отвага были важны для организации не меньше, чем рассудительность склонного к теоретизированию Николая Николаевича Колодкевича, преодолевавшего свое неприятие террора. Энтузиазм и энергия мужественного Александра Ивановича Баранникова воодушевляли товарищей так же, как романтическая приподнятость Александра Александровича Квятковского, умевшего вдохнуть поэзию в самые будничные партийные дела. Незаменимый техник народовольческого подполья — ученик самого П. Н. Яблочкова — Степан Григорьевич Ширяев был для товарищей живым источником сведений о западном рабочем движении, которое он изучал в Европе. Столь же скромный, незаметный, сколь и вездесущий, Григорий Прокофьевич Исаев безотказно брался за любое дело, с равным усердием и ответственностью выполняя работу и по производству динамита, и в типографии, и в народовольческой канцелярии. Ближайший агент ИК — Николай Иванович Кибальчич научные знания и талант изобретателя отдал делу революции. Он был конструктором бомбометательных снарядов, которые эксперты на суде считали вывезенными из-за границы, — в России они не были известны⁹⁷. Плодотворно сотрудничал Кибальчич в народовольческой и легальной демократической печати.

«Народная воля» выдвинула плеяду выдающихся революционеров, впервые в русской освободительной борьбе вставших у руководства движением. Члены ИК Софья Львовна Перовская, Вера Николаевна Фигнер, Анна Васильевна Якимова, Татьяна Ивановна Лебедева, Софья Андреевна Иванова, Анна Павловна Прибылева-Корба наравне с мужчинами участвовали в боевых делах партии и на равных обсуждали программные вопросы, работали в динамитной мастерской и в типографии, шли как агитаторы и организаторы к рабочим, студентам, военным. Эти женщины умели не хуже своих соратников-мужчин молчать на допросах и с достоинством отстаивать программу партии на

суде. Они выдерживали все испытания, какие суждены были революционерам — заключение, ссылку, каторгу. Часы жизни В. Н. Фигнер в Шлиссельбурге остановились на двадцать два года. И на весь этот период хватило ей заряда воспоминаний о трех годах деятельности в ИК. С. Л. Перовская была первой в России женщиной, казненной по политическому делу. Даже среди членов ИК она выделялась силой духа, твердостью воли. При всей ее общительности, развитом чувстве товарищества ее внутренний мир остался нераскрытым даже для друзей. Ясна и понятна в ней была лишь беспредельная преданность революционному делу, которая и дала ей силы с достоинством встретить смерть.

Признанным — не выбранным и не назначенным — вождем «Народной воли» стал Андрей Иванович Желябов, которого В. И. Ленин ставил в один ряд с такими революционерами, как Гарибальди и Робеспьер⁹⁸. Как истинный представитель разночинской интеллигенции, Желябов неустанно занимался всесторонним самообразованием. Он был хорошо осведомлен о европейском рабочем движении, о социалистической мысли Запада, интересовался историей народных движений в России, горячо любил русскую и украинскую литературу. Партийную кличку взял по имени любимого литературного героя — «Тарас». Талантливый организатор, Желябов явился одним из авторов «Подготовительной работы партии» и «Программы рабочих членов партии „Народной воли“» — наиболее зрелых народовольческих документов. Как революционер и политик Желябов тяготел к массовым формам борьбы. Он видел себя во главе крестьянского восстания, мечтал о баррикадах, на которых будет сражаться, возглавляя отряды рабочих. Его черты народного трибуна имел в виду В. И. Ленин, когда говорил о необходимости социал-демократических Желябовых⁹⁹. Но при отсутствии народного движения, при деспотическом режиме Желябов все больше становился заговорщиком-террористом. Величественная и трагическая фигура Желябова с особой яркостью воплотила противоречия, свойственные народовольчеству, его мощь и бессилие, отразила обреченные попытки движения вырваться из замкнутого круга терроризма и заговорщичества¹⁰⁰.

Средоточием деятельности партии, всех ее устремлений стихийно стал террор, хотя в «Программе» ИК он видного места не занимал, — напротив, как бы терялся среди остальных намеченных форм борьбы: предусматривалось лишь уничтожение вредных правительственных лиц, шпионов, наказание выдающихся случаев насилия и произвола¹⁰¹.

Поначалу действительно народовольцы наметили ряд акций такого смысла: покушения на одесского генерал-губернатора Э. И. Тотлебена, на его помощника С. Ф. Панютина, на петербургского генерал-губернатора И. В. Гурко, на киевского губернатора Н. П. Гессе, командующего Киевским военным округом генерала П. С. Ванновского, военного прокурора В. С. Стрельни-

кова, жандармского офицера Г. П. Судейкина. Однако в центре внимания оказалось исполнение приговора над Александром II. Это оттеснило все остальные планы: сил на ведение фронтального террора не было, да и перед фактом казни царя местные, частные покушения как бы теряли свое значение. Ликвидация царя все больше осознавалась как решающий узел в борьбе за власть, развязав который народовольцы мыслили разом решить все проблемы. С казнью царя связывалась возможность и политического переворота, и народного восстания, и, наконец, возможность уступок со стороны новой власти.

Подготовку казни императора взял на себя ИК, разбившийся с этой целью на боевые группы. Заработала динамитная мастерская в Басковом переулке в Петербурге, где хозяйничали Г. П. Исаев и А. В. Якимова (Баска). Решено было, воспользовавшись возвращением царя из Крыма, подготовить покушение разом в нескольких местах — Одессе, Александровске, на Московско-Курской железной дороге близ Москвы. ИК разработал планы этих покушений и явился их исполнителем¹⁰². Руководящий орган партии, ее мозг и центр, взял на себя и самую черную, техническую работу, не требовавшую, казалось бы, революционных кадров столь высокого ранга и опыта. Под Одессой подкоп под железнодорожное полотно готовили М. Ф. Фроленко, В. Н. Фигнер, Т. И. Лебедева. Вблизи Александровска действовали А. В. Якимова и А. И. Желябов с группой народовольцев, осуществляя закладку мины под рельсы. А в 40 км от Москвы подкоп под железную дорогу вел отряд, куда входили С. Л. Перовская, А. Д. Михайлов, С. Г. Ширяев, А. И. Баранников, Л. Н. Гартман. Колоссальные материальные средства ушли в эти подкопы, но еще более страшно растрачивался здесь людской капитал. Умелые организаторы, серьезные теоретики изо дня в день, как кроты, употребляя нечеловеческие усилия, рыли и рыли землю, часами не выходя на ее поверхность. Через Одессу царь не поехал. Под Александровском взрыва не последовало из-за технических неполадок. На Московско-Курской железной дороге 19 ноября 1879 г. был взорван поезд с царской свитой, который, вопреки обычаю, пустили впереди царского. Пострадавших, впрочем, не оказалось. Прокламация, выпущенная ИК по поводу взрыва, требовала передачи власти всенародному Учредительному собранию. «А до тех пор — борьба, борьба непримиримая», — объявляли революционеры¹⁰³. Резонанс по поводу покушения на царя был так силен, что еще более убедил революционеров в правильности выбранного пути. Авторитет партии вырос: еще не было в стране силы, которая бы начала войну с самодержавием столь грозным оружием.

Оживилось революционное подполье на местах: «Наши!.. Вот как они теперь действуют!..». Политический террор создавал иллюзию настоящего, революционного дела, которого так давно не хватало движению¹⁰⁴.

Правительство было явно травмировано. Либеральная печать намекала на необходимость уступок — как лучшего средства умиротворения. И революционеры с удвоенным упорством продолжали свою деятельность, идя к намеченной цели, которая с каждым неудачным покушением казалась и все осуществимее и все значительнее.

Уже с сентября 1879 г. готовился взрыв в самом логове самодержавия — в Зимнем дворце. Вызвался на это дело член Северного союза русских рабочих Степан Николаевич Халтурин, который и был назначен ИК для его осуществления. Инициатива Халтурина свидетельствует, что не только революционеры-разночинцы, оторванные от народа, но и деятели, вышедшие из рабочей массы, тесно связанные с ней, способны были увлечься террором, казавшимся в то кризисное время кратчайшим путем к революции¹⁰⁵. Несколько месяцев Халтурин, устроившись в Зимний дворец краснодеревщиком, изучал обстановку, накапливал нужный для взрыва динамит. Взрыв в Зимнем был произведен 5 февраля 1880 г. Царь опоздал к обеду, и это спасло ему жизнь. Но престижу самодержавного режима был нанесен урон. Сам «сторожевой пес» самодержавия — М. Н. Катков, третировавший революционеров как «ничтожную шайку злодеев», признал, что государство в опасности, и требовал от власти решительных, ничем неутесненных действий для ликвидации «крамолы»¹⁰⁶.

Учреждение диктатуры гр. М. Т. Лорис-Меликова с неограниченными полномочиями было открытым признанием властью неспособности управлять по-старому. Наступал новый этап в развитии правительственного кризиса и революционной ситуации.

*

Революционеры, как уже говорилось, учитывали своеобразие политической обстановки в стране, всю ее необычность. Но размеры правительственного кризиса, его глубину они значительно преувеличивали, отождествляя его проявления с признаками «близкого неотвратимого конца» самодержавия. «Современная правительственная система доживает свои последние дни, — уверенно заявляли народovolьцы. — Если не найдется никого, кто добил бы ее, она умрет и сама естественной смертью»¹⁰⁷. Такое восприятие «кризиса „верхов“» было связано не только с его особой остротой (см. гл. 4), но и с пониманием природы самодержавия как власти, не имеющей корней в русском обществе, изолированной от всех его групп и слоев¹⁰⁸. Все это укрепляло заговорщические иллюзии революционеров, придавало особый смысл их борьбе и особенно такой ее форме, как террор. Стихийно подсказанная жизнью, она получала все более определенное программное обоснование.

«Борьба с правительством оказалась возможной и полезной, — заявляли народovolьцы (имея в виду прежде всего террор). —

Благодаря ей партия как борющаяся сторона в государстве получила право гражданства, ее одну принимает правительство в соображение, с ней одной полагает нужным считаться. Ни земские протесты, ни разъединенные протесты сельских масс, ни беспорядки городского населения, ни пропаганда в народе идей социализма не вынуждали правительство напрягать до крайности свои силы, не приводили его в замешательство»¹⁰⁹. В такой оценке сказалось не просто преувеличение народovolьцами своей роли, но и неспособность понять революционный кризис как совокупность взаимосвязанных условий. Отъединение своей борьбы от других факторов революционной ситуации мешало правильно определить ее направление и перспективы. Народovolьцы так и не смогли понять, что их террор был страшен для правительства не сам по себе, а только на фоне «протестов сельских масс» и «беспорядков городского населения». Пройдет время, будет отбита волна демократического подъема и те же выстрелы террористов зазвучат для правительства иначе, иным будет и их общественный резонанс.

Однако «Народная воля» была не только фактором революционной ситуации, оказывающим воздействие на развитие революционного кризиса, но и сама испытывала на себе его влияние. Его углубление в начале 1880 г. сказалось на активизации деятельности народovolьцев, усложнении и разнообразии форм политической борьбы. Подготовка к террору не прекращалась, но он был «потеснен» агитационно-пропагандистской и организационной работой революционеров во всех слоях населения. С 5 февраля 1880 г. до 1 марта 1881 г. народovolьцы не совершили ни одного террористического акта¹¹⁰; в то же время значительно укрепив и расширив свою организацию, они вели курс на подготовку революционного переворота.

Резкое ухудшение положения масс в результате неурожая лета 1880 г. (см. гл. 4) привлекло пристальное внимание революционеров, оживляя их надежды на восстание. В голоде миллионов крестьянских масс осенью 1880 г. народovolьцы увидели чрезвычайного значения фактор народной жизни, «обращающий положение дел в исключительное»¹¹¹.

Программа ИК (конец 1879 г.) говорила о «придавленности народа», о том, что «правительство частными усмирениями может очень надолго сдерживать общее революционное движение». Хотя здесь и предусматривался «путь самостоятельной революции», главная ориентация была на захват власти революционерами путем заговора¹¹². В «Подготовительной работе партии» (весна 1880 г.) речь шла о подготовке восстания силами партии при поддержке рабочих и войска. Крестьянство во внимание не принималось, во всяком случае пропаганда в нем признавалась нецелесообразной¹¹³. Весной 1880 г. члены ИК, обсуждая вопрос, «возможно ли ожидать восстания», в большинстве отвечали на него отрицательно¹¹⁴.

Но уже в августе 1880 г. «Народная воля» заговорила о «некоторых симптомах, указывающих на возможность в России более или менее обширных народных бунтов»¹¹⁵. В сентябре газетой отмечалось пробуждение «народной критики» — «симптом чрезвычайно опасный для правительства»¹¹⁶. В прокламациях по поводу казни А. А. Квятковского и А. К. Преснякова (ноября 1880 г.) высказывается уверенность, что скоро «колыхнется море народное»¹¹⁷. В декабре «Народная воля» утверждает, что «народ берется за ум» и «настроение масс таково, что грозит собственной шкуре началства»¹¹⁸. Программа рабочих членов партии «Народной воли» усматривает уже реальность «возмущения не только в городе, но и в деревне» и ставит задачей собирать силы в народе, устраивать крестьянские союзы с тем, чтобы «произвести совместный переворот»¹¹⁹. «Устав дружины рабочих» (конец 1880 г.) нацеливал на подготовку «массового вооруженного восстания»¹²⁰. В «Общих началах организации» (конец 1880 г.) появился пункт о «самостоятельно возникшем инсurreкционном движении в данной местности»¹²¹. Именно в это время особенно интенсивно идет процесс собирания сил, строительства организации, которую народovolьцы мыслили широкой и разветвленной. С этой целью они предприняли ряд планомерных действий, посылая своих агентов для агитации в местных кружках за народovolьческую программу¹²².

Одновременно с организационным процессом, направляемым самой «Народной волей», шел и стихийный. Программа борьбы за демократические свободы, проникая в провинцию, бывало, завоевывала сторонников и без посредничества агентов народovolьцев — сама обстановка революционной ситуации работала здесь на «Народную волю». Самочинно приняв программу «Народной воли», такие местные группы официально заявляли о присоединении к ней. До 1881 г. нередки организации и смешанного — народovolьчески-чернопередельческого — состава¹²³.

Народovolьческие кружки, рассеиваясь по всему пространству Российской империи, завоевывали позиции и в ее национальных районах. Провозгласив в программе право на самоопределение и равенство всех национальностей¹²⁴, народovolьцы стремились к союзу с революционерами национальных районов, создавая там свои местные и специальные организации. Особенно много их было на Украине, остававшейся одним из главных очагов революционного движения. Во всех ее крупных городах существовали народovolьческие группы, подчинявшиеся ИК, где сообща действовали украинские и русские революционеры¹²⁵. В Белоруссии народovolьческие кружки возникли несколько позднее — с 1880 г. в Минске, Могилеве, Гродно, Витебске и Белостоке¹²⁶. В Литве народovolьцы имели свои организации в Вильно и Ковно¹²⁷. В Латвии — в Риге, Двинске, Митаве, Либаве¹²⁸; в Эстонии — в Ревеле, Дерпте¹²⁹. В Молдавии действовал народovolьческий кружок в Кишиневе¹³⁰. Появились народovolьческие группы и в Казахстане¹³¹.

Своеобразным районом народнического движения в период революционной ситуации стал край политической ссылки. Резкое увеличение ее контингента в это время, с одной стороны, с другой — некоторое ослабление режима способствовали общественной активизации ссылных. Вести с воли, народovolьческие издания, проникающие в ссылку, поднимали их дух, порождали надежды и стремление принять участие в развернувшейся борьбе. Здесь, в ссылке, она имела свои формы: организация побегов, протесты против местных властей, распространение нелегальной литературы, корреспонденции в центральную и революционную печать и т. д. Здесь создавались свои кружки, формировавшиеся вокруг политических ссылных из местной интеллигенции¹³².

Местные группы «Народной воли» были важными очагами революционной работы. Основное их значение — в популяризации лозунга борьбы с самодержавием за политические свободы. Они были своеобразными каналами, по которым шло проникновение в глубь страны идей демократии и утопического социализма. Они распространяли народovolьческие издания, размножая их на гектографе, литографе, в рукописных списках. Московская и саратовская группы пытались наладить свои тайные типографии, но безуспешно. Местные революционеры развернули пропаганду среди учащихся и рабочих, организуя в их среде легальные и полуполитические кружки, кассы взаимопомощи, библиотеки¹³³. Для ИК местные группы были важными источниками информации. Отсюда в редакцию «Народной воли» стекались сведения о злоупотреблениях местных властей, об арестах и обысках на местах, об ухудшении положения населения. Без таких корреспонденций с мест не выходил ни один номер газеты. И сами эти публикации — свидетельство если не существования местных групп «Народной воли», то ее связей с местными народovolьческими элементами¹³⁴. В народovolьческий центр из местных групп поступало пополнение. Имевшие связи в самых разных слоях общества, они поставляли по тем временам значительные суммы. По свидетельству народovolьца Н. В. Клеточникова, годовой бюджет «Народной воли» (примерно 50 тыс. руб.) большей частью пополнялся сборами провинциальных групп¹³⁵.

На рубеже 1880—1881 гг. «Народная воля» предстает уже сложной организационной системой — как сеть мелких тайных кружков с общереволюционными задачами, построенная на началах централизации групп младшего порядка вокруг групп порядка старшего¹³⁶. Появляется новая форма организации — центральная местная группа — промежуточное звено между ИК и местными кружками. Подчиняясь непосредственно ИК, центральные группы имели свои подгруппы. Существование центральных групп — в Москве, Саратове, Одессе, Харькове, Киеве — свидетельство наличия здесь нескольких местных групп¹³⁷.

Отношение ИК с местными группами строилось на общих для «Народной воли» принципах централизации, дисциплины и конспирации. Уставные документы предусматривали подчинение

местных групп ИК, в распоряжение которого в нужный момент поступали их силы и средства. Группы должны были поддержать восстание, начатое в центре, а после победы — агитировать на местах за народовольческую программу в Учредительном собрании. В «Общих началах организации» отчетливо проявилась тенденция централизовать революционный процесс. Местные группы не имели права на ведение политического террора против высшей администрации (за исключением своего губернатора), не имели права на свой орган и прокламации общего характера. Не было у них права на инициативу восстания. ИК «Народной воли» таким образом выступал не только как руководящий орган по подготовке восстания, но и как центр, сосредоточивший в себе все ее нити.

*

Новая ступень организационной работы сказалась и в создании «Народной волей» сети специальных организаций — рабочих, студенческих, военных. С развитием революционной ситуации, по мере того как подготовляемый демократический переворот казался народолюбцам все ближе и ближе, их внимание к рабочим усиливалось, роль, отводимая им, мыслилась все более значительной, хотя по сути своей взгляд на пролетариат не изменился. «Подготовительная работа партии» — в отличие от программы ИК — подчеркивала «особо важное значение для революции» рабочих как по положению, так и по большей развитости. Ставилась задача заручиться такими связями в рабочей среде, чтобы в момент восстания иметь возможность «закрыть фабрики и заводы, взволновать массы и двинуть их на улицы»¹³⁸. Программные документы конца 1880 г. предлагали превратить рабочих в силу, «способную напирать на правительство и при надобности готовую поддержать свои требования с оружием в руках», привлечь лучших рабочих к организации, а остальных подготовить к массовому вооруженному восстанию»¹³⁹.

Народовольцы полагали, что «не деревня, а город даст первый лозунг восстания. Но первая удача в городе может дать сигнал к бунту миллионов голодного крестьянства»¹⁴⁰.

Соответственно этим программным установкам активизировалась деятельность народолюбцев в рабочей среде — организационная и пропагандистская. Здесь распространяется «Рабочая газета», начавшая выходить с декабря 1880 г. тиражом в несколько сот экземпляров, прокламации для рабочих, «Программа рабочих, членов партии „Народной воли“» и другие народолюбческие издания.

ИК направил к рабочим десятки своих «самых талантливых и ценных кадров»¹⁴¹. Среди них были П. А. Теллалов, С. Л. Петровская, В. Н. Фигнер, Г. П. Исаев, А. А. Франколи, И. И. Гриневский и другие видные революционеры. А. И. Желябова в рабочих кружках знали как «Тараса». Он свободно сходил с

рабочими, умея разговаривать с ними о серьезных политических вопросах. Рабочая среда давала ему то ощущение прочности, связи с массой, которое не могла принести террористическая деятельность. Однако, как и большинство в ИК, Желябов готов был, скрепя сердце, поступиться интересами этой деятельности ради террора, от которого, как и все, ждал более скорых и решительных результатов.

Ближайшим помощником Желябова в рабочей среде был Иван Павлович Каковский («Валентин»). Неизлечимо больной, он отдавался рабочему делу самозабвенно, как бы стремясь до предела использовать отпущенный ему срок жизни, и многое успел здесь достигнуть — особенно в организации рабочей печати¹⁴².

Рабочая среда выдвинула ряд замечательных деятелей народолюбческого движения, таких, как Тимофей Михайлович Михайлов (казненный вместе с другими первомайцами), Макар Васильевич Тетерка (приговоренный по процессу 20-ти народолюбцев 1882 г. к смертной казни, замененной бессрочной каторгой), Андрей Корнеевич Пресняков, член ИК (за вооруженное сопротивление при аресте казнен в ноябре 1880 г. по приговору суда по процессу «16-ти») ¹⁴³.

Народовольцы пропагандировали в рабочей среде социалистический идеал общества. Но в отличие от своих предшественников — семидесятников — они разъясняли, что достичь этого идеала темному и забитому народу невозможно без предварительного завоевания политических прав. Только осознав себя гражданами со всеми правами и обязанностями, повторяли народолюбцы, можно бороться за социалистическое устройство. «Рабочая газета», одним из редакторов которой был А. И. Желябов, доказывала, что при самодержавном строе рабочему неоткуда ждать улучшений. Газета утверждала, что царь не может не знать о бесстыдной эксплуатации рабочих, но всегда будет на стороне эксплуататоров. Самодержавие выступало здесь как первоочередное препятствие на пути рабочих к освобождению от капиталистического гнета.

Рассказывала «Рабочая газета» и о борьбе европейского пролетариата за свои права, о том, как он пользуется уже завоеванными свободами. (В агитационных целях значение этих свобод иногда преувеличивалось, сами народолюбцы оценивали их более трезво.) Популяризируя среди рабочих лозунг борьбы за демократические права, «Народная воля» при этом постоянно ориентировала их на социалистический идеал — ту «путеводную звезду», которая должна была помочь в борьбе за демократию «не сбиться с пути», «не попасть в новые цепи»¹⁴⁴.

Рабочая организация «Народной воли» оформилась к концу 1880 г. Петербургская рабочая группа стала в ней центральной. Она состояла из сети кружков и групп разных разрядов — народолюбцам был свойствен дифференцированный подход к пролетариату. С ИК она связывалась через специальных агентов, каждый из которых действовал в своем районе¹⁴⁵. В пределах района организация состояла из кружков первого и второго разрядов,

центральных агитационных групп и учительских революционных кружков.

Сильнейшей после Петербургской была Московская рабочая группа¹⁴⁶ во главе с авторитетным и опытным П. А. Теллаловым (в ней в разное время работали И. И. Майнов, А. В. Кирхнер, А. С. Борейшо, Н. Е. Лавров и другие видные народовольцы). Наряду с представителями интеллигенции в ней действовали рабочие: наборщик А. Масленников, переплетчик С. Лагунов, котельщик А. В. Скворцов и смоленский ткач — родственник Петра Алексеева¹⁴⁷.

Крепкая рабочая группа, куда входили ветераны рабочего движения, члены рабочих союзов (Моисей Попов, Галактион Батагов, Карл Иванайнен), действовала в Одессе. Рабочим делом здесь занимался В. А. Жебунев, горячо в него верящий. Народовольцам этот революционер, считавший рабочий класс главной опорой политической борьбы, казался социал-демократом¹⁴⁸.

Сравнительно сильными были рабочие группы «Народной воли» в Киеве, Харькове, Ростове. Рабочие кружки были созданы при местных народовольческих организациях в Саратове, Казани, Перми, Тагиле, Ярославле, Владимире, Шуе, Нижнем-Новгороде¹⁴⁹. Деятельность среди рабочих мыслилась и осуществлялась народовольцами как вспомогательная к их заговорщической борьбе¹⁵⁰. Быстрые и обнадеживающие успехи тех сравнительно небольших сил, которые были двинуты в пролетариат, объясняются прежде всего состоянием самого рабочего движения, в котором пропаганда демократических свобод находила самый живой отклик (см. гл. 7). Но этих сил явно не хватало, чтобы развернуть деятельность среди рабочих в тех масштабах и формах, которые намечались «Народной волей», — в огромной мере их поглощал террор. Так и не приступили революционеры к «устройству забастовок и уличных демонстраций рабочих», предусмотренному программными документами¹⁵¹.

Деятельность «Народной воли» среди пролетариата трудно оценить однозначно. Не понимая его классовой и исторической роли, народовольцы не могли, естественно, развить у него классового сознания. Они считали рабочих частью крестьянства, представителями «чисто народных интересов», не выделяя еще их классовой специфики. Утверждая, что без крестьянства рабочие бессильны, народовольцы не сомневались, что «главная народная сила не в них, а в крестьянстве»¹⁵². Но пропагандой лозунга политических свобод «Народная воля» способствовала развитию демократического сознания в среде пролетариата — необходимой ступени на пути к его классовому сознанию.

Социализм, который она пропагандировала в рабочей среде, был крестьянским, утопическим. Но тем, что народовольцы несли в рабочую среду социалистический идеал, они усиливали в ней антибуржуазные стремления, дух протеста, тягу к освобождению. Народовольцам не удалось возглавить борьбу рабочих и повести их за собой в общем натиске на самодержавие. Причины этого

как в понимании народовольцами своих задач в пролетариате, так и в состоянии самого рабочего движения, еще делавшего первые шаги.

*

«Народная воля» стремилась поддержать в рядах молодежи «революционные тенденции, воспитывая молодое поколение в революционном духе и давая деятельность, доступную для его сил и в то же время полезную для дела революции»¹⁵³. Считалось, что учащаяся молодежь, «добываясь расширения студенческих прав», «может вести пропаганду среди рабочих, помогать распространению революционных изданий»¹⁵⁴. Распропагандированные студенты периферийных институтов, духовных семинарий, реальных училищ поступали в столичные учебные заведения, а наиболее определившиеся — в военные училища¹⁵⁵. Инструкция ИК «Провинциальная деятельность учащейся молодежи» (зима 1881—1882 гг.) предусматривала работу распропагандированных студентов в крестьянстве, в обществе и среди военных, посредничество между революционными кружками¹⁵⁶. А. Д. Михайлов стремился сделать правилом партии — не посылать «слишком молодых людей в борьбу на смерть», дать время «окрепнуть их характерам», «развить все их духовные силы»¹⁵⁷.

Уже зимой 1880/81 г. народовольцы имели свои кружки во всех университетских центрах. В центральном Петербургском кружке принимали участие А. И. Желябов и С. Л. Перовская¹⁵⁸. Из студентов университета народовольцы вырастили замечательных пропагандистов среди рабочих — А. В. Тырков, Н. П. Коновкин, А. Е. Введенский, М. А. Энгельгардт, П. П. Подбельский, Л. М. Коган-Бернштейн и др. Юношескую горячность и увлеченность они сочетали с образованностью, убежденностью. В кружке при Технологическом институте действовал И. И. Гриневицкий¹⁵⁹. При Институте путей сообщения — А. Б. Арончик, на женских Медицинских курсах пропаганду вели сестры Е. Н. и Н. Н. Оловениковы¹⁶⁰. В Москве наиболее сильным был университетский кружок (среди активных его членов — братья Сабунаевы, братья Аппельберги). Связи в Петровской земледельческой академии и на курсах Герье были завязаны В. Зеге фон Лауренбергом. В Техническом училище действовала группа И. И. Майнова и А. В. Кирхнера¹⁶¹. Киевская народовольческая группа создала несколько кружков учащихся, в частности при духовной семинарии Каменец-Подольска¹⁶². Есть сведения о народовольческих кружках среди учащейся молодежи Воронежа (реального училища, кадетского корпуса и духовной семинарии)¹⁶³. Кружки среди учащейся молодежи имела Саратовская народовольческая группа¹⁶⁴. Народовольцы попытались связать выступления студенчества за права высшей школы, их протесты против ущемления ее автономии со своей антиправительственной борьбой. Народовольческая печать показывала связь политики са-

модержавия в области высшей школы с его общим реакционным курсом. Успех народовольческой пропаганды сказался в постоянном притоке сил студенчества в революционное движение, в расширении сферы деятельности студенческих групп. Однако возгласить студенческое движение, дать ему четкую программу народо-вольцы не смогли в силу ряда причин: социальной неоднородности студенчества, наличия в нем разных политических течений, ограниченности народовольческих сил, действующих в студенческой среде, и задач их деятельности. И все же народовольческие студенческие кружки, студенческие волнения с участием народо-вольцев явились частью общедемократического натиска на самодержавие в период революционной ситуации. Они сыграли свою роль, приостановив наступление правительства на высшую школу (см. гл. 9).

Свою организацию народо-вольцы создали и в армии. Уже в 1878 г. А. И. Желябов, заглядывая вперед, замыслил не просто установление связей с военной средой и привлечение ее отдельных представителей на сторону революционеров, а «создание военной организации с целью мятежа»¹⁶⁵. Однако этим он несколько опередил общий ход народовольческой мысли. Программа ИК говорила как раз о заведении связей в войске, что и стало осуществляться уже с конца 1879 г. В «Подготовительной работе партии» появился специальный раздел о войске, где доказывается его особое значение в перевороте («имея армию против себя, ничего, пожалуй, не достигнешь и с поддержкой народа») ¹⁶⁶. С целью завоевания влияния в войсках народо-вольцы полагали воздействовать на офицеров и только через них — на солдат. Наиболее развитых из офицеров следовало «привлекать как сознательных членов партии». «По отношению к массе остальных» предусматривалось «поднимать уровень их развития, выяснять им их обязанности к народу, подрывать в их глазах значение правительства и выяснять цели революционеров»¹⁶⁷.

Революционная работа в среде военных имела свои особые трудности и ее результативность сказывалась медленнее, чем в среде пролетариата или студенчества, но и здесь она облегчалась общим духом недовольства правительством, все сильнее ощущавшимся после войны.

«Война выявила во всей наготе безобразие русских порядков. Офицерство не могло не задумываться над причинами всех этих злоупотреблений и не искать средств для искоренения их»¹⁶⁸. Навстречу этим поискам и шли действия народо-вольцев. Преимущественное внимание они уделяли военной интеллигенции. По свидетельству одного из основателей военной организации, к ней привлекались в основном «офицеры не первых чинов, а поручики, шт[аб]-капитаны и штаб-офицеры». «Они не бросаются, очертя голову, на первый зов, но зато приобретение их гораздо прочнее для партии, чем обер-офицеров»¹⁶⁹.

Начало первому военному кружку было положено в 1879 г. в Кронштадте А. И. Желябовым и Н. Н. Колодкевичем при со-

действии офицера Н. Е. Суханова, еще ранее сблизившегося с революционерами. К осени 1880 г. он состоял из 14 офицеров, многие из которых позднее играли ведущую роль в военной организации «Народной воли» (А. П. Штромберг, А. К. Карабанович, Ф. И. Завалишин, Е. А. Серебряков и др.)¹⁷⁰. Сама военная организация народо-вольцев начала оформляться с ноября 1880 г., когда возникла центральная военная группа, первоначально состоявшая из 5 человек (А. И. Желябов, Н. Н. Колодкевич, Н. Е. Суханов, А. П. Штромберг, Н. М. Рогачев). К весне 1881 г. военная организация «Народной воли» имела 7 кружков в Петербурге, Кронштадте и Гельсингфорсе, насчитывающих около 50 членов¹⁷¹. Деятельность ее координировалась и направлялась центральной военной группой, в которую вошли А. В. Будевич, В. П. Дружинин, Ф. И. Завалишин, В. И. Папин, Н. Д. Похионов и др. Однако в разгар революционной ситуации народо-вольцы не уделяли военным преимущественного внимания, распределяя свои силы более или менее равномерно между всеми слоями городского населения. После 1 марта положение изменилось.

*

Ориентируясь с конца 1880 г. на восстание, подготавливая его работой в разных слоях населения, «Народная воля» действовала как организация бланкистская. На протяжении всего развития революционной ситуации нет основания говорить об отходе народо-вольцев от бланкизма, как это иногда делается в литературе, исходя из народовольческого расчета на народное восстание¹⁷². И при оживлении надежд на восстание миллионов голодного крестьянства в конце 1880 г. народо-вольцы решающую ставку в подготовке переворота делали на свои собственные силы. Именно партия должна была *создать благоприятный момент для восстания, начать его, сломить сопротивление правительства, захватить власть, удержать ее и передать народу*. Все это мыслилось при желательной, но не обязательной поддержке народных масс¹⁷³. Правда, революционеры верили в *разрешающую* роль партии (разрешать — развязать, освободить), верили, что их действия застрельщиков и инициаторов восстания пробудят народ, поднимут его на борьбу¹⁷⁴, но бланкистской сути программы эта вера не меняла. И стратегические и тактические планы народо-вольцев зимой 1880/81 г. были бланкистские: партия выделяет из себя боевой союз, который нападает на правительство, приводит в замешательство, облегчая выступление всех недовольных¹⁷⁵. *Сигналом к повсеместному восстанию мыслилась казнь царя*.

Выдвинув лозунг восстания, готовясь к сражениям на баррикадах, народо-вольцы фактически не имели для этого материальной основы. Их партия опиралась не на поддержку масс, а на сочувствие «недовольных» во всех слоях населения. Но как истинные бланкисты, народо-вольцы считали, что «рвение, усердие

и ум добровольцев возместят их недостаток»¹⁷⁶. Подобно П. Н. Ткачеву, одному из своеобразных последователей О. Бланки, они верили, что «тысяча (или даже менее) энергических революционеров» и — революция сделана¹⁷⁷. В наивысший момент революционной ситуации — к началу 1881 г. — число членов центральной и местных организаций, по-видимому, приближалось к этой цифре¹⁷⁸. Народовольцы не без оснований считали, что это были лучшие представители интеллигенции и народа: «Во всех фазисах борьбы революционеры невольно напоминали собой высшую культурную расу, меряющуюся силами с многочисленными, но дикими ордами правительства»¹⁷⁹. Выдающиеся по способностям, убежденные в правоте и святости своего дела, исполненные энергии и готовности к самопожертвованию, без поддержки народа они оказались бессильными перед организованным насилием самодержавия с его бюрократией, полицией, войском.

1 марта 1881 г. бомбой, брошенной народовольцем Игнатием Иоахимовичем Гриневицким, Александр II был убит. Погиб и сам бомбометатель. Более года прошло со времени последнего покушения — взрыва в Зимнем дворце, более года упорной работы по подготовке казни царя. Приготовления сосредоточились в столице. На пути традиционного маршрута царя — из дворца в манеж — замыслились взрывы подземный и наземный. На углу Невского и Малой Садовой была снята сырная лавка, хозяевами которой под именем Кобозевых стали члены ИК Ю. Н. Богданович и А. В. Якимович: отсюда велся подкоп для закладки мины. Специальный отряд вел наблюдения за царем, изучая его передвижения по столице.

К началу 1881 г. в ИК уже не было многих его членов. В ноябре 1880 г. арестовали А. Д. Михайлова — бдительного стража организации. С его арестом соблюдение конспирации и дисциплины несколько ослабело. В начале 1881 г. последовал ряд «провалов». В январе были схвачены полицией А. И. Бараников и Н. Н. Колодкевич. Тогда же «Народная воля» лишилась и Н. В. Клеточникова — агента ИК, по его заданию служившего в III отделении с. е. и. в. канцелярии. От него получали народовольцы сведения, столь вооружавшие их в борьбе с полицейским сыском: списки «неблагонадежных», а также шпионов и предателей, данные о предстоящих обысках и арестах.

27 февраля 1881 г. последовали аресты А. И. Желябова и М. Н. Тригоны. Руководство подготовкой покушения на царя взяла на себя С. Л. Перовская — ближайший друг и соратник Желябова. Любовь и революционный долг слились в ее фанатическом, всеокрушающем стремлении немедленно довести до конца дело, казавшееся наиважнейшим и как бы уже обезглавленное. В оставшиеся перед 1 марта сутки члены ИК, казалось, не спали, не ели и держались только сверхчеловеческим напряжением сил перед решающей, как им представлялось, схваткой. День и ночь не прекращалось изготовление снарядов — их готовили Н. И. Кибальчич, Г. П. Исаев и М. Ф. Грачевский. Давались

последние инструкции бомбометальщикам Н. И. Рысакову, Н. И. Емельянову, Т. М. Михайлову, И. И. Гриневицкому, уточнялся план их расстановки на пути царя. Шли совещания с группой наблюдателей за царским выездом (А. В. Тырков, Е. Н. Оловенникова, П. В. Тычинин).

И вот, наконец, столь долго и многотрудноготавливаемая казнь императора свершилась... «Грянул взрыв с Екатеринина канала, Россию облаком покрыв. Все издали предвещало, что час свершится роковой, что выпадет такая карта... И этот века час дневной — последний — назвал *первым марта*». Но осуществив свой главный и заветный замысел, с которым связывалось столько надежд и расчетов, сами народовольцы оказались как будто оглушены и парализованы взрывом 1 марта. Гипнотическая вера в террор была так велика, что никто не думал о необходимости каких-то действий с целью реализовать происшедшую акцию — все ждали стихийного развития событий — неминуемых, — по логике террористов. Напряженно прислушивался в тюремной камере А. И. Желябов, узнавший о взрыве 1 марта и стремившийся уловить шум начавшихся уличных боев. Оставшиеся на свободе члены ИК на своих конспиративных квартирах ждали с минуты на минуту отклика масс на свою акцию. В напряжении и страхе ожидали волнений и столичные власти.

Однако в отличие от революционеров правительство не бездействовало: рабочие окраины были блокированы от центра столицы казачьими частями. Но никто из народовольцев и не сделал попытки пойти на фабрики и заводы с тем, чтобы хотя бы призвать к стачке или демонстрации. Вера во всемогущество террора заслонила возможность всякого иного действия. На ряде предприятий распространяемые рабочие были спокойны и ждали дальнейшего развития действий революционеров. «Что нам теперь делать? Веди нас куда хочешь», — обращались они к С. Л. Перовской¹⁸⁰. Но у революционеров не было ответа на эти вопросы, они оказались к ним не готовы.

Напряженное ожидание дальнейших боевых действий ИК наблюдалось и в ряде местных революционных кружков, воспринявших 1 марта как сигнал к решительному бою. Член ИК М. Н. Ошанина, руководившая тогда московской организацией, вспоминала, что «со всех сторон требовали объяснений», желали видеть «настоящего члена партии», знать, что будет дальше и «чем можно быть полезным». Но «тут-то и оказалась несостоятельность организации» — сами ее члены, ее руководство «находились в недоумении и величайшем смятении»¹⁸¹. О. С. Любатович, которая после 1 марта оказалась в Минске, рассказывала, как к ней обращалась местная революционная молодежь и рабочие с вопросами: «Почему молчит Россия, что делать, не устроить ли какую-нибудь демонстрацию», или «вооруженное нападение»?¹⁸². В ряде мест была начата интенсивная подготовка к восстанию в ожидании дополнительных инструкций ИК. В Казани в ночь со 2 на 3 марта полиция обнаружила 43 гектографированных прокла-

мации, наклеенные на стены домов. Разъясняя смысл события 1 марта, они именем «Народной воли» призывали: «Граждане! Настал удобный момент свергнуть иго дикого произвола. Проснитесь же от своей вековой апатии и потребуйте для себя господства права и закона, неприкосновенности личности, свободы слова, возвращения из ссылки и заключения ваших родных и близких. Проснитесь же и сбросьте с себя вековые оковы! Время еще не ушло»¹⁸³. «Пора, братья, пора», — как бы вторили казанским революционерам народовольцы Киева. Их гектографированная прокламация в марте 1881 г. от имени ИК объявляла, что «вскоре с оружием в руках по всей России вспыхнет восстание», и призывала соединиться вместе «для этого общего дела»¹⁸⁴. «Теперь, общество, смело иди вперед, поддержи передовых борцов и сбрось с себя вековое рабство», — обращались со своим мартовским воззванием революционеры Херсона¹⁸⁵. Усиленно стал готовиться к восстанию революционный кружок в Пензе, расширив агитацию в крестьянстве¹⁸⁶.

Разрозненные, не направляемые центром, эти отдельные попытки активизации революционных действий на местах успеха не имели. Не произошло, чего так уверенно ждали народовольцы от казни царя: потрясения основ самодержавного строя, пробуждения народа, сплочения всех недовольных вокруг ИК. Последствия осуществления главного замысла оказались для революционеров непредвиденными и ставили их в тупик.

3. После 1-го марта

Казнь царя не послужила началом революции, но она оказала свое воздействие на дальнейшее развитие революционной ситуации, углубив кризис «верхов» и положив начало идейному и организационному кризису самой «Народной воли».

Общая обстановка в стране весной и летом 1881 г. оставалась напряженной: продолжались безработица; голод, не стихало недовольство народных масс (см. гл. 5). Взрыв 1 марта в этих условиях был опасен не сам по себе (хотя в достаточной мере подрывал престиж власти, по природе своей призванной казаться всемогущей, недосягаемой): он страшил правительство и господствующие классы как возможный прецедент для последующих революционных действий. Вплоть до конца 1881 г. в обществе и даже в правительственных сферах не прекращались слухи о новых предпринимаемых террористами акциях¹⁸⁷.

Прокламация ИК к обществу по поводу 1 марта объявляла продолжение борьбы, пока политика правительства остается неизменной. «Россия, истомленная голодом, измученная самоуправством администрации, постоянно теряющая силы сынов своих на виселицах, на каторге, в ссылках, в томительном бездействии, вынужденном существующим режимом, — Россия не может жить так долее»¹⁸⁸. В прокламации к европейскому обществу ИК утверждал, что дело борьбы с самодержавием важно не только для

русского народа, но и для «всего человечества, над которым эта система висит угрозой истребления всех прав, вольностей и приобретенной цивилизации»¹⁸⁹.

ИК обратился и к народу России, призывая составлять новому царю петиции с требованием нарезки земли и уменьшения податей¹⁹⁰. Призыва к восстанию в послемартовских прокламациях ИК не было, как не было и социалистических требований. 10 марта датировано письмо ИК Александру III, к составлению которого народовольцы привлекли видного публициста Н. К. Михайловского. Сдержанный, исполненный достоинства текст письма говорил о готовности продолжать борьбу в случае неприятия требований революционеров: амнистии всем политическим преступникам и созыва представителей народа¹⁹¹. «Деятели „Народной воли“ в самом начале царствования Александра III, — по словам В. И. Ленина, — „преподнесли“ правительству альтернативу именно такую, какую ставит перед Николаем II социал-демократия: или революционная борьба, или отречение от самодержавия»¹⁹². Десятки тысяч экземпляров письма ИК, перепечатанного, гектографированного, литографированного, переписанного от руки, «разносили по России минимальную политическую программу партии „Народной воли“»¹⁹³. Письмо ИК императору снова заявляло перед обществом смысл и цели борьбы революционеров, поясняя вынужденный характер террора. Оно должно было еще раз показать, что с самодержавием невозможно договориться, — с ним можно только бороться.

В то время как в либеральном обществе продолжали ждать от правительства уступок, с надеждой взирая на министра внутренних дел гр. Н. П. Игнатьева, затеявшего свою игру с подготовкой Земского собора (см. гл. 4), народовольцы были «глубоко убеждены в невозможности честной реформы волей самой неограниченной монархии»¹⁹⁴.

После длительного перерыва в работе типографии (с февраля 1881 г.) в Москве (куда она была перенесена) вышел 22 июля 1881 г. «Листок „Народной воли“». В нем говорилось, что «организация революционной борьбы расширяется и крепнет, готовясь нанести решительный удар врагу». Заявляя, что подготовленную историю «борьбу они будут вести еще беспощаднее», народовольцы давали понять, что рассчитывают на восстание¹⁹⁵. В августе 1881 г. ИК выпустил ряд прокламаций, отличных по содержанию от мартовских с их программой-минимум. Вместо требования нарезки земли утверждалось право крестьян на всю помещичью землю, а рабочих — на фабрики и заводы. Говорилось о низвержении правительства и установлении народоправления. Эти требования сопровождалось призывом готовиться к восстанию — запастись оружием, ждать сигнала («как только мы начнем бунт, идите к нам на помощь»). Революционеры заявили, что для «подготовки восстания по всей России» назначен особый ИК, «который этим делом заведует»¹⁹⁶.

Ориентируясь на восстание, народовольцы после 1 марта по-прежнему террору отводили главную роль в создании условий для восстания. Готовилось покушение на «гатчинского пленника» — еще не коронованного императора Александра III. «Эта смерть царя не пройдет так спокойно, как первая, — были уверены народовольцы, — она будет сопровождаться народными восстаниями»¹⁹⁷. А. Д. Михайлов из заключения призывал идти путем террора «хладнокровнее, обдуманнее, решительнее». «Успех, один успех достоин вас после 1 марта, — писал он оставшимся на воле товарищам. — Единственный путь — это стрелять в самый центр. На очереди оба брата, но начать надо с Владимира»¹⁹⁸.

Для террористической деятельности послемартовского периода характерна определенная децентрализация. В феврале 1882 г. был казнен военный прокурор В. С. Стрельников, использовавший свои чрезвычайные полномочия для зверской, без суда и следствия, расправы над революционерами, особенно рабочими. Исполнители революционного правосудия — С. Н. Халтурин и Н. А. Желваков, схваченные на месте покушения, были казнены под нелегальными фамилиями. Весной 1882 г. было предпринято неудачное покушение на жандармского полковника Г. П. Судейкина, который вел борьбу с «Народной волей» средствами провокации. Этот террор народовольцы стремились противопоставить обозначившемуся спаду общественного движения, с его помощью приостановить этот спад.

Казалось, почти двухлетний опыт борьбы должен был если не подорвать веру в могущество террора, то по крайней мере поставить его под сомнение. Но начавшиеся в движении колебания не перешли после 1 марта в трезвый анализ — народовольцы не дозрели для пересмотра своей тактики. Поскольку с террором снова связывалась надежда на восстание, видно, что продолжала жить иллюзия, будто террор способен поднимать «революционный дух народа»¹⁹⁹. А ведь этот террористический предрассудок не получил никакого подтверждения ни после первых покушений, ни после казни царя. «Перед лицом народа идет смертельный бой, — писали сами народовольцы, — то лучшие сыны его бьются в кровавом поединке против утеснителей народных. А народ молчит, молчит, ибо не знает, кто друг, кто враг, не знает из-за чего идет борьба»²⁰⁰.

Призванный «формировать годные и привычные к бою силы»²⁰¹, террор и здесь оказывал весьма противоречивое влияние. Взяв на свои плечи всю тяжесть борьбы, ИК делал остальных участников движения и всех недовольных существующим режимом как бы пассивными ее зрителями. Террор, призванный разом решить все проблемы, разрубить все узлы, молчаливо предполагал ненужность иной деятельности, бесполезность массовой активности. И революционеры очень скоро почувствовали это действие избранной ими формы борьбы на свое движение. В глазах рядовых революционеров ИК оказался не столько руководителем, сколько именно исполнителем, делающим все за всех. Упование

на ИК было так велико, что ему уже пытались перепоручать и дела местного значения: затесался в провинциальный кружок шпион — обращаются его члены в центр, прося ИК его устранить»²⁰². Молодежь охотно откликалась на поручения, связанные с террором, овеянные его романтикой. Простые будничные революционные дела, без которых немуслима борьба — распространение нелегальных изданий, сбор материальных средств — пропаганда в рабочих кружках, зачастую казались неинтересными, бессодержательными и даже попросту излишними перед лицом террора, которому было предназначено сокрушить все разом.

«Почему же активная часть этой трудной исторической задачи должна выполняться немногими? Или не все обязаны бороться за жизнь и будущее страны?»²⁰³, подобными вопросами задавались народовольцы и после 1 марта, уже приучив и общество и движение к такому «разделению обязанностей».

Террор, имевший целью «подорвать обаяние правительственной силы»²⁰⁴, действительно устрашал правительство, заставил его колебаться, подрывая престиж власти «помазанника божьего». Но он же в определенной мере подрывал и авторитет партии, начертавшей на своем знамени идеалы демократии и социализма, действующей именем народа. Понимая невозможность революции без крови, многие представители разночинской интеллигенции не могли понять и принять этого кровопролития без революции. Террор устрашал и угнетал не только правительственные сферы, но и определенные круги общества. А какой моральный ущерб наносили случавшиеся при покушениях непредусмотренные жертвы! Убитые и раненые при взрыве в Зимнем дворце солдаты Финляндского полка были не случайно громко заплаканы реакционной печатью — той самой, которая вполне хладнокровно сообщала о напрасных, неоправданных жертвах недавней войны. И та же печать, которая вовсе не интересовалась причинами высокой детской смертности в пореформенной деревне, назойливо, с пафосом негодовала по поводу гибели мальчика, оказавшегося при взрыве 1 марта рядом с царской каретой. Реакционеры жадно хватались за подобные, неминуемые при терроре факты, используя их для доказательств безнравственности приемов борьбы революционеров, их готовности идти к цели по трупам невинных. Но несмотря на то, что практика выдвигала все новые и новые доводы против террора, народовольцы проявили определенную инерцию мысли и действий, лихорадочно стремясь продолжить неоправдавший себя путь борьбы.

В целом революционный процесс после 1 марта был противоречивым и сложным. Наметилось явное расширение движения на местах. Росли и множились провинциальные кружки. К этому времени программные документы «Народной воли» стали достоянием широких слоев разночинской интеллигенции и в провинции. Особой формой пропаганды ее идей явились политические процессы²⁰⁵. Представшие перед царским судом в марте 1881 г. А. И. Желябов, С. Л. Перовская, Н. И. Кибальчич и другие пер-

вомартовцы раскрыли нравственный и политический смысл своей борьбы, повторили требования «Народной воли», рассказали о готовности русских революционеров идти на любые жертвы в деле освобождения родины от самодержавия. Их речи народовольцы перепечатывали, гектографировали, распространяли в списках. Такие разные представители русской интеллигенции, как Л. Н. Толстой и философ В. С. Соловьев, обратились к Александру III, указывая на бесплодность насилий и репрессий в борьбе с людьми подобной веры и убежденности²⁰⁶. Казнь первомартовцев прозвучала новым призывом в ряды освободительного движения.

Если раньше, как правило, центр партии сам выступал организатором групп на местах, в послемартовский период они чаще возникали по своей инициативе. С. С. Волк насчитывает свыше 70 пунктов, в которых в 1879—1883 гг. имелись народовольческие кружки. Однако сказать, что «организация „Народной воли“ состояла» из 80—90 местных групп²⁰⁷, будет неправильно, не оговорившись, что цифра эта — общая для всего указанного периода. В каждый отдельный момент революционной ситуации она иная и значительно меньшая: одни кружки гибли, другие возникали. В целом же определенный рост организации после 1 марта несомненен.

Обесиленный центр попытался наладить руководство растущим движением на местах. На Украину была послана В. Н. Фигнер, на Кавказ — А. П. Корба, в Белоруссию и Прибалтику — М. Ф. Грачевский и П. С. Ивановская.

Украина оставалась наиболее оживленным районом борьбы. Правда, южные кружки были ослаблены арестами в центре, лишившись не только связанных с ИК, но и в их лице активных своих деятелей²⁰⁸. Сам состав кружков в послемартовский период отличался большей подвижностью, отсутствием стабильности: люди быстрее выбывали из строя из-за усилившихся репрессий, но и пополнение шло интенсивнее, чем в начале народовольческого движения. В Киеве вплоть до весны 1882 г. продолжали действовать кружки И. Я. Левинского и П. В. Гортынского. После их разгрома из остатков этих групп и слившихся с ними новых сил образовалась единая организация, поддерживавшая связь с центром через своего члена А. А. Спандони (А. Н. Бах, С. В. Никитина, Н. М. Кжеминский, Н. Д. Захарин). К осени 1882 г. была налажена работа среди пролетариата и студенчества. Киевская центральная группа имела типографию (выпустила 4 листовки) и склад народовольческих изданий²⁰⁹.

В Одесскую группу на смену М. Н. Тригони была послана В. Н. Фигнер. Она не застала здесь ряда ее учредителей, уже вырванных из движения репрессиями, но при ней группа пополнилась новыми членами. Наряду с состоявшими в организации М. И. Дреем, В. А. Жебуневым, П. А. Мартино были привлечены С. С. Коган (брат О. С. Пуритц), бежавший из ссылки В. Георгиевский, Е. С. Свистыч (сестра осужденного по процессу И. М. Ковальского). Одесская группа была разгромлена одновре-

менно с киевскими кружками — весной 1882 г., но к середине 1882 г. возродилась, возобновив деятельность в рабочей и студенческой среде²¹⁰.

В Харькове в 1881 г. действовала небольшая, но энергичная группа (И. Н. Комарницкий, А. Н. Капинцев, А. И. Немоловский, С. П. Линницкий, П. С. Анненков). После разгрома Московской организации и ареста последних членов ИК старого состава в Петербурге, в начале 1882 г., с переездом в Харьков В. Н. Фигнер, он временно становится своеобразным центром движения²¹¹.

Кружки народовольческого направления продолжали действовать в Ромнах, по отношению их с ИК неизвестны²¹². До конца 1881 г. просуществовал народовольческий кружок в Ставрополе (образовавшийся в мае). Его руководителем был петербургский студент Н. Гамалицкий, высланный сюда после привлечения к дознанию по делу о покушении на Московско-Курской железной дороге. Кружок имел постоянные сношения с Петербургом. Гамалицкий организовал склад революционных изданий, которые распространялись среди местной интеллигенции²¹³.

Значительными были потери в послемартовский период Саратовской группы. Центр прислал сюда для организационной работы агента ИК М. Д. Райского. Пополняясь новыми членами, группа возобновила деятельность. Однако при попытке освобождения из тюрьмы одного из ее руководителей, М. Э. Новицкого, произошел ее полный провал, и с конца 1882 г. Саратовский народовольческий кружок фактически перестал существовать²¹⁴.

В апреле-мае 1881 г. к «Народной воле» присоединился Ярославский кружок, просуществовавший до середины 80-х годов²¹⁵. Оживилась работа Пермского народовольческого кружка, в котором в послемартовский период некоторое время действовал член ИК Ю. Н. Богданович²¹⁶. В 1881 г. расширил деятельность Казанский социально-революционный центральный кружок, тяготевший по направлению к «Народной воле»²¹⁷.

В организационном процессе после 1 марта явственно обозначились тенденции к национально-территориальным объединениям. Ослабление центра, с одной стороны, и усиление движения на местах — с другой, сказались на возникновении новой формы народовольческой организации — региональной группы. Осенью 1881 г. возникла Великороссийская центральная группа, состоящая из организаций 10 губерний. По ее уставу в каждой губернии должна была быть центральная местная группа и группа специального назначения²¹⁸.

С середины 1881 г. местными революционерами (Р. Э. Аппельбергом, И. Ф. Лампе, М. П. Овчинниковым) под руководством М. Ф. Грачевского велась подготовительная работа по объединению народовольческих организаций Литвы и Белоруссии, существовавших в Вильно, Гродно, Витебске, Минске, Пинске, Могилеве, Рогачеве, Гомеле. В начале 1882 г. на совещании в Вильно было оформлено создание Северо-западной организации

«Народной воли» — на основе уже упоминавшегося уставного документа «Общих начал организации»²¹⁹.

В Закавказье в течение нескольких месяцев 1881—1882 г. успешно действовала А. П. Корба, опираясь на местных революционеров Тифлиса и Гори. Под ее руководством грузинские народовольцы (М. Кипиани, Ш. Давиташвили, Г. Гварамадзе и др.) выработали свой проект программы²²⁰. К этому времени (1881 — начало 1882 г.) план подобных же «укрупнений» местных организаций создается и для сибирских революционных кружков. Инициатором его был народовец П. А. Орлов — руководитель Томского кружка²²¹. Возникший в 1881 г. в Иркутске народовольческий кружок во главе с учителем К. Г. Неустроевым, объединял местных революционеров с политическими ссыльными, распространяя сферу своего влияния на Забайкальск, Верхоленск, Якутск²²².

Наиболее пострадала от полицейского террора рабочая организация «Народной воли», которая к весне 1881 г. как раз только сложилась и развернула свою деятельность. Вооруженные сведениями предателя Н. И. Рысакова, правительство нанесло ей серьезный урон. Быстрое ее восстановление — свидетельство жизнеспособности рабочего движения, стабильности в нем революционных настроений. Под руководством П. А. Теллалова были воссозданы районные рабочие организации Петербурга. Уже в мае 1881 г. образовались рабочие группы и кружки на Обуховском, Семяниковском, Балтийском и Чугунном заводах, на заводах Нобеля, Голубева, Фридланда, Лесснера, Берда и на Варшавской железной дороге, фабриках Паля, Калининской, резиновой мануфактуре, за Невской заставой²²³.

Рабочая группа в Москве, основанная весной 1881 г., действовала также под руководством П. А. Теллалова. Ее первоначальный состав (И. И. Майнов, А. В. Кирхнер, А. С. Борейшо, Н. Е. Лавров) пополнился бывшим чернопередельцем А. П. Булановым, бежавшим из ссылки И. В. Калужным, Н. С. Смирничкой и М. Н. Чикоидзе. К осени революционная пропаганда велась в 30 пунктах Москвы (фабриках, заводах, мастерских), охватив 100—120 рабочих²²⁴. Обессилевшая арестами Московская рабочая группа прекратила существование к началу 1882 г.

Казанский революционный кружок после 1 марта 1881 г. активизировал работу среди пролетариата²²⁵. Пермские же революционеры сделали ее главной в своей деятельности. Рабочие заводов Мотовилихи, железнодорожных мастерских были объектом их систематической пропаганды²²⁶. Основанная в феврале 1881 г. рабочая группа Саратова под руководством М. Э. Новицкого действовала среди местного пролетариата и городских низов до начала 1882 г.²²⁷

Более продолжительной и интенсивной оказалась деятельность рабочих групп южных народвольческих кружков. Киевская центральная группа уделяла ей преимущественное внимание. Возглавил ее А. Н. Бах. Группа выпустила листовку «К рабочим»,

призывавшую их объединяться вокруг социалистов, установила связи с железнодорожниками Гомеля, Бахмача, Конотопа²²⁸. Рабочая организация Одессы, состоявшая к 1 марта 1881 г. из нескольких кружков, была почти полностью раскрыта властями на основании показаний предателя В. А. Меркулова. Следствие прокурора В. С. Стрельникова выявило до 300 рабочих, причастных к организации²²⁹. Посланный в Одессу для налаживания рабочего дела С. Н. Халтурин оказался поглощенным подготовкой покушения на Стрельникова и не справился с порученной задачей. С той же целью — восстановления рабочей организации — в Одессу В. Н. Фигнер направил опытных народвольцев: Н. М. Салову и В. И. Сухомлина, Я. Л. Бердичевского. Рабочая группа в Одессе стала действовать с конца 1882 г.²³⁰ Тогда же наладилась работа народвольцев в рабочих кружках Ростова под руководством С. К. Пешекерова и Н. А. Желвакова²³¹. Немногочисленная харьковская группа народвольцев пропаганду среди рабочих сделала «главной и, можно сказать, единственной деятельностью»²³². Свои кружки народвольцы имели среди рабочих Елисаветграда, Кременчуга, Екатеринослава. В целом на юге народвольческая агитационно-пропагандистская и организационная деятельность охватила сотни рабочих²³³. Однако новой ступенью в развитии движения она не стала. По сути дела, 1881—1882 годы прошли для народвольцев в напряженных попытках восстановить погубленное, воссоздать уже достигнутое, но попытки эти не везде оказались успешными. Обстановка в стране менялась — правительство переходило в наступление.

Студенческая организация, понесшая сравнительно меньше потерь, после 1 марта 1881 г. оставалась серьезной опорой народвольческого центра. В этот период усилилось влияние народвольцев на студенческие землячества в Петербургском университете, через которые устанавливались связи на местах. Так, через кружки Петербургского университета установились контакты с революционными кружками Минска и Витебска. Наряду с университетским, народвольцы сохранили кружки в Институте путей сообщения, Строительном, Технологическом, Медико-хирургической Академии, на Бестужевских женских курсах²³⁴. Московские студенческие кружки «Народной воли», среди которых выделялись университетский и при Петровской земледельческой академии, продолжали вести работу среди рабочих, гектографировали и распространяли народвольческие прокламации²³⁵.

С известными перерывами действовали студенческие народвольческие кружки во всех университетских центрах. В Киеве центральная народвольческая группа к осени 1882 г. основала кружки в местном университете и духовной семинарии. Возник центральный студенческий кружок учащейся молодежи (в основном из гимназистов старших классов), установивший связи с учебными заведениями Могилева²³⁶. Центральный студенческий

кружок в середине 1882 г. образовался и в Одессе. Он был связан с гимназиями Аккермана, Ананьева и других окрестных городов²³⁷. Продолжалась деятельность среди студенчества Казанского социально-революционного кружка и Саратовской группы народолюбцев²³⁸.

Главный интерес «Народной воли» в 1881—1882 гг. сосредоточился на войске, что было связано с усилением в движении заговорщических тенденций. Программа Военно-революционной организации «Народной воли» (рубеж 1881—1882 гг.), наряду с участием военных в народном восстании, предусматривала и возможность исключительно военного переворота с целью захвата «власти для устройства народного представительства»²³⁹.

В разгар революционной ситуации планы военной организации сводились в основном к участию во всеобщем восстании (хотя и тогда возможность чисто военного переворота не исключалась). С конца 1881 г. «Народная воля» сосредоточила внимание именно на подготовке этого последнего; революционеры убедились в несбыточности восстания, «по крайней мере в близком будущем»²⁴⁰. Наряду с этим появляется и иллюзия, что «самостоятельное военное движение может вызвать народное движение»²⁴¹.

В конце 1881 г. военная организация «Народной воли» становится всероссийской. Усложняется ее структура — между центром и местными группами появляется новое звено — местная центральная военная группа, вызванная потребностью более результативного объединения и координации растущих сил²⁴². К середине 1882 г. военная организация «Народной воли» насчитывала более 50 групп, действовавших в 41 городе. К весне 1882 г. мобилизация материальных сил военной организации могла дать, кроме личного ее состава (около 400 офицеров), два морских экипажа (8 тыс. человек), где успешно вели пропаганду Е. А. Серебряков и Ф. И. Завалишин, два броненосца, 9 фортов в Кронштадте²⁴³. По плану переворота, разработанному военно-революционным центром совместно с ИК, офицеры-народолюбцы, захватив Кронштадтскую крепость с фортами, должны были привлечь к восстанию кронштадтский гарнизон и часть флота и под красным знаменем атаковать Зимний дворец²⁴⁴.

Народолюбческая военная организация, сложившись в период спада революционного движения, не успела проявить себя. По своей природе заговорщическая, она не могла быть ни достаточно широкой, ни прочной. Уже к концу 1882 г. ее сила была подорвана арестами и внутренним разбродом, связанным с идейным кризисом народолюбчества. И все же из всех революционных организаций, действовавших на разночинском этапе, именно «Народной воле» удалось добиться наиболее серьезных успехов в революционной пропаганде в армии, пробить определенную брешь в этом главном оплоте самодержавия.

Наряду с ростом местных революционных сил наметилась явная децентрализация движения, связанная с ослаблением руководящей роли ИК. После 1 марта ИК был перенесен в Москву и, обескровленный арестами, пополнен новыми членами — преимущественно из Московской народолюбческой группы. После мартовских и апрельских арестов оставалось лишь восемь членов ИК первого состава, один за другим постепенно выбывавших из движения²⁴⁵. Ни одного деятеля штаба А. И. Желябова или А. Д. Михайлова у руководства движения не появилось. И подобно тому как первый состав ИК был — по своему уровню — симптомом подъема движения, так и послемартовский народолюбческий центр нес на себе печать наступавшего упадка. Агония движения прежде всего проявилась именно здесь. ИК явно не справлялся с задачей руководства борьбой на местах. Занятый узкопрактическими делами, малочисленный, он не дал ни новой программы, ни боевых лозунгов. Газета выходила нерегулярно и отражала начавшийся идейный кризис народолюбчества. Наряду со все более выявлявшейся для «Народной воли» невозможностью действовать по старой программе, использовать старую тактику обозначилась и неспособность осмыслить опыт движения, выработать с его учетом новые программные и тактические установки для дальнейшей борьбы.

Редактор «Народной воли» Л. А. Тихомиров стал неузнаваем в своих передовицах, когда рядом с ним не оказалось ни А. И. Желябова, ни А. Д. Михайлова, мысли которых он ранее добросовестно отражал. Будучи скорее оформителем, чем творцом народолюбческих идей, он, когда не стало названных его негласных талантливых соавторов, в новых условиях борьбы показал себя весьма средним и тусклым публицистом. В партийном органе возобладала заговорщическая линия. Хотя расчет на восстание не исключался, главное внимание сосредоточилось на подготовке заговора революционного меньшинства, совершающего переворот без содействия народа и декларирующего сверху социальные преобразования²⁴⁶. Изменился и нравственный климат в организации: появились случайные, ненадежные люди, участились провалы, порождались взаимное недоверие и подозрительность. В то же время конспирация и дисциплина оказались подорваны.

Пытаясь воссоздать центр, В. Н. Фигнер решила пополнить его представителями центральной военной группы. В качестве посредника между ИК и военными она привлекла С. П. Дегаева. При аресте он не только выдал известных ему членов военной группы, но, выпущенный на волю, действовал как провокатор. В феврале 1883 г. была арестована Вера Фигнер — последний член старого состава ИК, оставшийся на свободе²⁴⁷. Дегаевщина нанесла непоправимый удар «Народной воле», еще раз подтвердив, что для заговорщической организации, не имеющей опоры в массах, предательство равносильно полному краху.

Движение на местах, оставаясь разрозненным, обезглавленным, переживая идейный разброд, начинало затухать, испытывая влияние общей обстановки в стране — наступления реакции. Вместе с гибелью старой «Народной воли» завершался важный этап разночинского периода освободительного движения: оно уже не смогло подняться на такую высоту, какой достигло во время революционной ситуации.

4. «Черный передел» — идейный противник «Народной воли» и ее союзник в борьбе с самодержавием

После раскола «Земли и воли» первоначально наметилось определенное районирование деятельности новых организаций, некоторое разделение их территориальных сфер: народовольцы оседали, как правило, в промышленных и университетских центрах, к чернопередельцам чаще присоединялись кружки менее развитых районов страны. Например, если говорить — с известной приближенностью — о национальных районах, то Украина была полем деятельности преимущественно народовольческих сил, а Белоруссия — чернопередельческих. С развитием революционной ситуации топография чернопередельческих кружков все более совпала с народовольческой.

В центральный — Петербургский — кружок «Черного передела» вошли Г. В. Плеханов, М. Р. Попов, Г. Н. Преображенский, В. И. Засулич, Я. В. Стефанович, Л. Г. Дейч, П. Б. Аксельрод, В. Н. Игнатов, О. Е. Николаев, Н. А. Короткевич, М. К. Крылова, Е. Н. Ковальская, Н. П. Щедрин, Р. М. Боград (Плеханова), И. П. Пьянков. Однако уже в начале 1880 г. чернопередельческий центр распался. Группа революционеров (Плеханов, Засулич, Дейч, Стефанович) в январе уехала за границу. После провала типографии в середине января кружок пополнился новыми членами, ведущими в нем стали молодые чернопередельцы А. П. Буланов, О. К. Трубникова, М. К. Решко, К. Я. Загорский, М. И. Шефтель. К концу 1880 г. кружок насчитывал 40—60 человек²⁴⁸. Заграничная группа оставалась связанной с организацией, принимая живое участие в обсуждении программных вопросов и практических задач.

Довольно значительная чернопередельческая организация действовала в Москве, где в ее составе оказались видные деятели народнического движения. В создании ее осенью 1879 г. приняли участие Л. Г. Дейч, Г. Н. Преображенский, Я. К. Эфрон, Е. П. Дурново, В. И. Яковенко. Некоторые чернопередельцы (Н. П. Щедрин, Е. Н. Ковальская, Л. Г. Дейч) начинали деятельность как члены московского кружка.

В начале 1880 г. произошло объединение чернопередельческих кружков Петербурга и Москвы. В разработке совместного проекта их программы участвовали и заграничные товарищи, при-

славшие замечания и поправки. После обсуждения на сходках в местных кружках проект программы чернопередельческого общества «Земля и воля» был опубликован в № 2 «Черного передела» (ноябрь-декабрь 1880 г.)²⁴⁹.

Наиболее жизнеспособными, просуществовавшими до середины 80-х годов оказались чернопередельческие организации в Казани, Саратове, Самаре, Киеве, Харькове, Минске. Всего кружки «Черного передела» периода революционной ситуации охватывали несколько сот человек²⁵⁰. Центром чернопередельцев в Белоруссии стал Минск. Минский кружок был связан с Москвой, откуда получал нелегальную литературу. Минские чернопередельцы работали в сотрудничестве с кружками Гродно, Витебска, Могилева, Вильно²⁵¹. С помощью революционеров Гродно была налажена минская типография «Черного передела»²⁵². Свообразным опорным пунктом чернопередельческих групп Поволжья стал казанский кружок²⁵³.

В проекте устава своей организации (январь-февраль 1880 г.) чернопередельцы отказались от централизма. Для вступления в нее не требовалось никаких определенных условий, кроме активной работы в ней. Хотя для «ведения дел, представляющих интерес для всего общества», учреждалось центральное бюро, оно было скорее органом информации и координации. Собирая материальные средства и нужные для кружков сведения, бюро имело право делать печатные заявления от всей организации. Однако в проекте устава не говорилось о том, что решения бюро были обязательны для местных кружков²⁵⁴. Противники централизма на практике повседневно ощущали неудовлетворенность своими организационными делами, никак, впрочем, не связывая ее с принципами федерализма. «Состояние народнической партии поистине ужасное, — признавался Аксельрод осенью 1880 г. — Да едва ли оно и заслуживает это название — партии. Нет организации и общего плана действий. Программа народовольцев проще, цели гораздо конкретнее наших, а между тем у них единство, конспиративная опытность, а у нас — ни того, ни другого»²⁵⁵. Отсутствие централизованного руководства, твердой дисциплины и конспирации крайне затрудняло повседневную революционную работу. Только к январю 1880 г. был подготовлен № 1 органа чернопередельцев, но уже 15 (28) января типография на Васильевском острове была раскрыта, а ее работники и сотрудники редакции арестованы (М. К. Крылова, П. В. Тесленко-Приходько, О. В. Аптекман и др.). За этим провалом последовали аресты в Москве Г. Н. Преображенского и членов студенческого чернопередельческого кружка.

Преодоление организационных неурядиц, укрепление и сплочение рядов чернопередельцы пытались обрести в объединении своих сил, а не в возврате к централизму. Их руководящее ядро выдвинуло идею объединения Северо-русского общества и южных кружков в Южно-русское общество «Земли и воли» — тесный федеративный союз для организации общих предприятий и соз-

дания «прочного оплота» против «пропаганды народовольцев»²⁵⁶. С этой целью подготовлялся общий съезд чернопередельцев в Москве, на который ожидалось и чернопередельцы из эмиграции²⁵⁷. Однако на основе старой полубакунистской доктрины и федералистских принципов создать общероссийскую революционную организацию оказалось невозможным. На протяжении периода революционного подъема чернопередельцы действовали в виде отдельных, хотя и связанных программой и общностью дел, групп и кружков.

Основной точкой приложения чернопередельческих сил стали городские рабочие. Еще в первом проекте программы (январь — февраль 1880 г.) предусматривалась «организация боевых сил среди крестьянства и городских рабочих для ведения постоянной революционной борьбы» за требования социалистического характера (о демократических — не было ни слова)²⁵⁸. В конце 1880 г. в программе появилось примечание «об особенно важном значении агитации в среде городских рабочих» «на почве частных поводов недовольства». Главной же задачей выдвигалась агитация в деревне на основе требования земельного передела²⁵⁹. Чернопередельцы обращались к рабочим как к резерву крестьянской революции — в поисках помощников для работы в деревне.

Поначалу руководители «Черного передела» ставили целью препятствовать народовольческой агитации среди рабочих за политические свободы, объявляя «якобинистские и либерально-политические тенденции народовольцев» вредными для общего революционного дела, для упрочения социалистического идеала²⁶⁰.

Однако в обстановке революционной ситуации оказалось невозможным не только бороться с политическими тенденциями, но и уклониться от политики. Шаг за шагом чернопередельцы сдавали позиции, приближаясь к признанию значимости политических свобод. С конца 1880 г., когда у чернопередельцев уже наметился поворот к политической борьбе, начала выходить газета «Зерно», созданная для рабочих. Газета выпускалась силами петербургского кружка: А. П. Буланов, М. И. Шефтель, К. Я. Загорский были ее редакторами и ведущими сотрудниками. Участвовали в ней Г. В. Плеханов, В. Н. Лавров и близкий тогда «Народной воле» Н. С. Русанов²⁶¹. От «Рабочей газеты» народовольцев ее отличало большое внимание к вопросам социализма, попытки популяризации отдельных положений теории К. Маркса. Рассказывая рабочему люду о том, что в самодержавном государстве его «все больше и больше будет забирать в свои заgreбистые руки кулак-пройдоха да хозяин-фабрикант», чернопередельцы утверждали, что «исход есть из нужды, надо только взяться за ум». «Надо понять, что у всех работников один общий интерес, одно общее дело и одна надежда лишь на себя, на свой крепкий союз»²⁶². Призывая рабочих к солидарности, газета доказывала, что местная расправа с отдельными притеснителями даст «мало толку», а надо «порешить с теми порядками, что дают возможность всякой гадине запускать свое жало

в рабочего трудящегося человека»²⁶³. Эти обличения бесправия и бедствий трудовых классов, призыв к борьбе против существующего строя в «Зерне» были сродни пропаганде народовольческой. И хотя чернопередельцы не ставили прямых политических задач, «зерна», бросаемые ими в рабочую среду, должны были дать всходы демократического сознания. Само время, сама обстановка в стране способствовали этому. Начиная с конца 1880 г. (а случалось и ранее), чернопередельцы использовали в своей агитации народовольческие издания, особенно предназначенные для рабочих. «Зерно» откликнулось на казнь народовольцев А. А. Квятковского и А. К. Преснякова заметкой, где они названы «борцами за народное освобождение», верившими, что «их дело не погибнет и правда рано или поздно возьмет верх»²⁶⁴.

Наиболее серьезных результатов в деятельности среди пролетариата добился петербургский кружок. Здесь действовали опытные, еще со времен «Земли и воли» связанные с рабочими революционеры А. П. Буланов, А. О. Бонч-Осмоловский, И. И. Шеталов²⁶⁵.

Случалось, чернопередельцы сталкивались с народовольцами, уже проникшими на то же самое предприятие. Как правило, интересы дела ставились выше партийных разногласий, и обе организации приходили к соглашению о совместной деятельности. Работа среди пролетариата способствовала сближению «Народной воли» и «Черного передела». В тесном контакте с народовольцами действовал Буланов, руководивший сразу несколькими рабочими кружками. Именно в процессе этой деятельности он стал политическим революционером и присоединился к «Народной воле». На заводах Обуховском, Чугунном, Семяниковском, Невском, Балтийском, у Нобеля, Фридланда, Леснера, за Невской заставой, на Варшавской железной дороге, у Берда народовольцы действовали совместно с чернопередельцами²⁶⁶. Рабочие зачастую и не знали о партийной принадлежности «интеллигентов», приносивших революционную литературу и занимавшихся с ними в кружках. Однако не всегда совместные действия шли гладко — и после признания чернопередельцами политической борьбы между ними и народовольцами оставалось немало программных разногласий, мешавших слаженности действий²⁶⁷.

Своими опорными пунктами в рабочей среде чернопередельцы считали кружки, где только они вели работу. Это были в основном текстильные предприятия у Нарвской заставы, завод Сан-Гали на Васильевском острове. В 1880—1881 гг. среди петербургских рабочих действовало около 20 чернопередельцев, которым, по их подсчетам, удалось «хорошо организовать» около 150 рабочих²⁶⁸. В Москве «рабочее дело» начиналось под руководством Г. Н. Преображенского, а с его арестом роль руководителя перешла к В. И. Яковенко. Здесь чернопередельцы попытались сочетать революционную работу на фабриках и заводах с серьезным изучением пролетариата²⁶⁹. Была составлена и библиотека для рабочих.

С начала 1881 г. деятельность чернопеределцев в рабочей среде получила новую осмысленность и размах. Признание их программой завоевания демократических свобод придало этой деятельности политическую направленность и большую результативность. Программа «Народной партии» (апрель 1881 г.) в городском пролетариате видела «весьма серьезную силу в общей массе русского народа». Задачей революционной деятельности было поставлено внесение «в эту среду взамен узких требований, проявляющихся в ней в настоящее время, широкого идеала коллективизма»²⁷⁰. На основе чернопеределческих рабочих кружков осенью 1881 г. было создано «Общество рабочей кассы», объединившее около 100 человек²⁷¹. Целью его было «содействие революционной борьбе рабочих с существующим порядком»²⁷². Общество выдвинуло лозунги: «Земля, заводы, фабрики и мастерские должны быть общим, народным достоянием, чтобы всякий мог работать и жить с работы счастливо и свободно... Долой нынешнее царское правительство! Править делами должен рабочий люд, народ через своих выборных»²⁷³. Поводом к массовой агитации чернопеределцы выдвинули требования сокращения рабочего дня, свободы слова, печати, совести, союзов, собраний. Начавшийся отлив демократического движения помешал «Черному переделу» развернуть рабочее дело на основе новых программных документов.

И для чернопеределцев, как и для их соперников и союзников — народовольцев, учащаяся молодежь оказалась основным источником пополнения партии, заведения связей, каналом распространения влияния и на другие слои городского населения. Немногочисленность коренного состава «Черного передела» — одна из причин того, что специализация организационной и пропагандистской работы была выражена слабее, чем у народовольцев. Чернопеределцы, как правило, совмещали одновременно деятельность в разных слоях населения. И здесь — как и на фабриках и заводах — наметились и сферы преимущественного влияния обеих партий, и места, где они действовали в союзе. В мемуарной литературе общепризнано преобладание народовольцев в университетах, а чернопеределцев в Медико-хирургической (Петербург) и в Петровской земледельческой (Москва) академиях, где силен был старонароднический элемент (многие и шли туда с целью посвятить себя работе в деревне). В Петровской академии сложилась значительная чернопеределческая группа во главе с Г. Ф. Черкасовым и В. А. Анзимировым, входившая в центральный городской кружок. В Петербурге чернопеределческие кружки заводились в Технологическом институте, на Бестужевских женских курсах. Но и в «народовольческих» университетах чернопеределцы имели сторонников. В Петербургском университете группа чернопеределцев (М. И. Шефтель, И. И. Шеталов, С. А. и В. А. Марковские, В. Н. Переляев, А. О. Бонч-Осмоловский) действовала в контакте с центральным народовольческим университетским кружком. В Московском

университете приверженцы «Черного передела» группировались вокруг Ю. А. Бунина, В. И. Яковенко, С. Г. Гончарова. Чернопеределческим кружком в Высшем техническом училище руководили Я. К. Эфрон, В. Н. Лавров, И. Н. Петров²⁷⁴.

Чернопеределцы несли в студенческие кружки революционные издания. Устраивали сходки-диспуты с обсуждением программ «Черного передела» и «Центральной» (так называли программу ИК). Как и народовольцы, они использовали распространяемую молодежь чаще всего для заведения связей на фабриках и заводах.

Влияние, которым пользовались чернопеределцы среди определенной части молодежи, — свидетельство того, что увлечение «Народной волей» не было столь всепоглощающим, как это обычно представлено в народовольческой литературе. Успехи чернопеределцев в студенческой среде, хотя и весьма скромные по сравнению с народовольческими, убеждают, что какой-то части молодежи, стремившейся к революционному делу, террористический путь борьбы, путь единоборства интеллигенции с самодержавием без поддержки народа, внушал сомнения. Верность «Черного передела» девизу старого народничества «Все для народа, все через народ», его стремление опереться на массы привлекали молодежь, особенно после признания его программой борьбы за демократические свободы.

*

Еще руководствуясь аполитичной программой, чернопеределцы стали заводить связи в войске, исходя из того, что армия — главный враг крестьянского восстания и ее надо дезорганизовать. С выдвиганием политических требований работа чернопеределцев в военной среде все более сближалась с народовольческой. Однако и здесь существовали серьезные отличия — результат несходства программных установок. Чернопеределцы старались проникнуть в гущу солдатской среды и воздействовать на нее непосредственно, а не только через офицерство — как «Народная воля». Ранее всего они начали революционную работу среди матросов Кронштадта. Ее возглавили А. П. Буланов, С. А. Вырубов и В. Н. Лавров, В. Дружинин, Г. И. Скворцов, им удалось распространить от 80 до 100 матросов. В Морском училище те же Буланов, Вырубов, Лавров организовали революционный кружок²⁷⁵. Кружки в Кронштадте, Петербурге и Москве так и оставались разрозненными — военной организации чернопеределцам создать не удалось.

Сосредоточившись в городах и занимаясь, по сути, политической борьбой, чернопеределцы провозглашали главной целью работу в деревне с тем, чтобы, «толкая народ в активную борьбу с государством», воспитывать его «самодеятельность», организовать его, пользоваться «каждым мелким случаем для возбуждения народного неудовольствия», довести его от «пассивного ожидания

„черного передела“ до активных требований земли и воли»²⁷⁶. Но хотя программа говорила о необходимости для революционеров срастись с крестьянством, пополняться силами из его среды, серьезной и систематической работы в народе «Черному переделу» организовать не удалось. Неизвестно ни одного значительного чернопередельческого поселения в деревне, хотя отдельные революционеры в народе работали и долго жили в его среде. Взгляды чернопередельцев вначале устремились в Чигиринский у. Киевской губ. — единственное место, где народникам удалось вовлечь в революционную деятельность около 2 тыс. крестьян, оперируя фальшивой царской грамотой²⁷⁷. И хотя способ действия «чигиринцев» был в русской революционной среде решительно отвергнут, считалось, что в крестьянстве тех мест живет протест, нуждающийся в руководстве и направлении²⁷⁸. По деревням Чигиринского у. «в разведку» отправился Н. Н. Петров. Соповещение чернопередельцев в Одессе, обсудив его впечатления, доложенные М. Р. Поповым, решило отложить чигиринские планы: сведения относительно настроения крестьян не были обнадеживающими²⁷⁹. По-видимому, революционеры все больше понимали невозможность в новой для страны обстановке использовать старые способы работы в народе — традиционное «сиденье» в поселениях с терпеливым выжиданием, ставкой на то, что «капля точит камень». Чернопередельческая мысль, продолжая настаивать на необходимости деятельности в народе, настойчиво искала новых форм, пробуя их на практике, разочаровываясь и снова обращаясь к поискам и экспериментам. И с развитием революционной ситуации вопрос, как поднять крестьянство на революцию, как возбудить в народе «сознание необходимости активного образа действий, внушить надежду не на постороннюю помощь, а единственно на свои собственные силы»²⁸⁰ — этот коренной для народничества вопрос — помимо воли чернопередельцев — все более связывался в их сознании с политической борьбой, развернувшейся в стране. Первый их документ, адресованный крестьянству и напечатанный в народовольческой типографии (за именем собственной), уже предусматривал использование террора для возбуждения народа, метода, отрицавшегося чернопередельческой программой. «Манифест тайного братства „Черный передел“» (автор — Г. В. Плеханов) и рассчитывал на то, чтобы в созданной борьбой «Народной воли» обстановке мобилизовать крестьянство на предъявление наследнику престола своих «исконных» требований под угрозой отказа присягать новому императору²⁸¹. Да и вся деятельность в народе, которую попытались осуществить чернопередельцы, сознательно и бессознательно связывалась с обстановкой революционного подъема в стране, с героической борьбой «Народной воли», а отнюдь не с революционными и социалистическими инстинктами мужика (на которые уповали семидесятники). Например, наиболее значительной акцией минских чернопередельцев было распространение обращенной к крестьянам листовки «Земля и воля», выпущенной по

поводу 1 марта. Летом 1881 г. ее находили в разных районах Белоруссии, 13—14 сентября в ее распространении в Гродно и его окрестностях (в том числе и в военных лагерях, здесь расположенных) приняло участие около 20 человек. Только за один день полиция обнаружила 118 экз. листовки²⁸². Чернопередельцы как бы возродили на новой основе «летучую пропаганду» доземлевольческого периода. Но она (с конца 1880 г.) уже не обходила политических тем, а как раз сосредоточивалась на них.

В целом же, как ни парадоксально, «Черный передел», столь критиковавший «Народную волю» за невнимание к деятельности в деревне, сделал в этой области едва ли больше. Его литература для народа оказалась беднее народовольческой. Постепенно чернопередельцы стали пользоваться наряду с пропагандистскими брошюрами 70-х годов и народовольческими изданиями. Характерно, что именно народовольцы составили обстоятельную программу для собирания сведений в народе — с целью изучения его серьезно и систематически. У «Черного передела» подобного документа не оказалось. В то время как специальное прибавление к «Рабочей газете» народовольцев обращалось непосредственно к крестьянству, чернопередельческое «Зерно» почти не уделяло внимания деревне.

Деятельность «Черного передела» — организационная и пропагандистская — сопровождалась его идейной эволюцией, основным содержанием которой стало изменение отношения к борьбе за демократические свободы²⁸³. До того как им удалось наладить типографию, чернопередельцы активно защищали позицию аполитизма в диспутах, на сходках в революционных кружках, нападая на народовольцев как отступников от социалистических задач, упрекая их в опасности буржуазного перерождения. В зарубежной печати теоретик «Черного передела» П. Б. Аксельрод, сочувственно освещая борьбу «Народной воли», называл ее программу буржуазной по своей сути²⁸⁴. Объявляя об издании своей газеты, чернопередельцы как одну из ее целей выдвигали предостережение от «излишнего увлечения задачами чисто политического характера»²⁸⁵.

Но удержаться на позиции аполитизма в обстановке революционной ситуации, перед лицом единоборства «Народной воли» с самодержавием для революционеров было невозможно. Чернопередельцы не могли не видеть, что агитация среди всех слоев населения становится действенной только тогда, когда затрагивает политику. В те годы особенной напряженности и интенсивности общественной жизни борьба, сознательно исключавшая политику, теряла смысл. И непреклонные противники «политики» быстро сходили с революционного пути на путь «малых дел». Уже в разгар революционной ситуации многие из народников-староверов от стремлений поднять крестьянство на протест переходили к попыткам «действовать на деревню примером прогресса в социально-экономическом смысле, например, путем устройст-

ва интеллигентных земельных общин с коммунистической организацией»²⁸⁶. Не случайно, что в момент предельного напряжения народовольцами сил в схватке с самодержавием такие чернопередельцы с головой погрузились в изучение агрономии, превосходящий тип народнического культуртрегера 80-х годов²⁸⁷.

Основная масса чернопередельцев неуклонно эволюционировала в сторону изживания остатков анархизма. Идеиное руководство «Черного передела» и за границей и в России с конца 1880 г. приходит к неминувшему признанию необходимости политической борьбы за демократические свободы²⁸⁸. Осознав, что на требования политических свобод в стране «сойдутся все честные и уважающие себя люди в России»²⁸⁹, чернопередельцы не смогли и не захотели остаться в стороне от общего подъема в стране, выдвинув вслед за «Народной волей» требования неприкосновенности личности, свободы совести, слова, печати, собраний, союзов, участия представителей народа в управлении страной²⁹⁰. Сами чернопередельцы решающее объяснение своего приобщения к «политике» видели в сложившейся в стране обстановке: «С одной стороны, подлый трусливый разгул правительства Александра II, а с другой — захватывающий пример борьбы против него народовольчества. Создавалась атмосфера, насыщенная политическим гневом»²⁹¹. Но признав под неодолимым воздействием обстоятельств и влиянием народовольцев политическую борьбу как задачу социалистической партии, чернопередельчество оставалось особым течением в народничестве, так и не слившимся с народовольчеством, по-своему решавшим ряд проблем освободительного движения. Отличным от народовольчества было само понимание «Черным переделом» значимости политической борьбы. Недавние ее противники некоторое время и после ее признания продолжали подчеркивать ее второстепенность для социалистов, предостерегая «от излишнего увлечения вопросами чисто политического свойства»²⁹². Иначе, чем народовольцы, понимали они и само содержание политической борьбы, ее формы и средства, отрицательно относясь к заговору. Роль народных масс они продолжали считать решающей. Таким образом, идейная борьба двух течений в народничестве не прекращалась и в момент их самого тесного союза. Она оказалась весьма плодотворной для развития революционной мысли. Поддерживая героическую борьбу народовольцев, чернопередельцы высказывали сомнение относительно террора как «универсального средства борьбы», которое способствует увеличению и росту сил партии, разрушает в народе гибельную для него идею царизма. Чернопередельцы отказывались признать и революционизирующее воздействие террора: «Только путем сознательной, активной борьбы самого народа и может пробудиться в нем уверенность в своих силах». Они обращали внимание, что террор «непонятен народу» и не «указывает народу такой формы борьбы, которую он мог бы вести самостоятельно»²⁹³. Не только лидеры «Черного передела», но и рядовые его участники были убеждены, что «доказать динамитом нель-

зя,—устрашить им можно, пленить и расширить симпатии к известному делу немисливо»²⁹⁴. И став политическими революционерами, чернопередельцы, как правило, сохраняли это неприятие террора, продолжали видеть в нем противоречие революционным идеалам. «Мы отвергаем тайные суды и политические убийства, т[ак] к[ак] мы борцы за свободу и наше слово не расходится с действиями. Идея же свободы не допускает этих средневековых судилищ, [которые] только отталкивают от себя критически мыслящих личностей русских, не помогая делу»²⁹⁵. Так писали в рукописном журнале «Порядок в свободе» чернопередельцы Нижнего-Новгорода, выдвигая развернутую программу демократических требований. Правда, отношение к террору у чернопередельцев оставалось непоследовательным. В значительной степени сами они попали под его гипноз. Так, событие 1 марта 1881 г. нижегородская организация восприняла как «непоправимый удар идее царизма», как создание «особо благоприятной обстановки для действий в народной среде»²⁹⁶. И все же даже такая половинчатая и противоречивая критка террористических иллюзий в самом революционном лагере имела свое значение, ставя под сомнение то, что народовольцам казалось бесспорным. Ведь этот скептицизм относительно специфически народовольческого способа борьбы высказывался чернопередельцами и в печати, и в повседневной практической работе. В период, казалось бы, всеобщего увлечения героизмом «Народной воли», преклонения перед ней в среде демократической интеллигенции и молодежи, звучал предостерегающий голос «Черного передела», не уставший повторять, что «вне возбуждения сознания и самостоятельности народа» самая геройская революционная борьба не способна привести к его освобождению, что «освобождение народа должно быть делом *самого народа*»²⁹⁷. В противовес гордой уверенности народовольцев, что революционеры сами могут создать условия для переворота, начать его и довести до конца без поддержки широких народных масс, чернопередельцы настаивали на том, что «момент осуществления народных идеалов путем народной революции находится вне прямой зависимости от желаний партии»²⁹⁸.

Идеи эти были присущи не только теоретикам, но и рядовым деятелям «Черного передела», убежденным, что «отдельные группы передовых личностей ничего не значат перед народом, в общности в деле изменения существующих порядков»²⁹⁹. В период преобладания в движении заговорщических тенденций чернопередельцы отставали (хоть и недостаточно выдержанно) такое достижение русской революционной мысли, как идею о решающей роли народных масс. Именно они в это время стали представителями защиты демократии путем обращения к массам, общей, по словам В. И. Ленина, у народничества и марксизма³⁰⁰.

Согласившись в главном вопросе, послужившем в свое время предметом расхождения, чернопередельцы и народовольцы вели

на протяжении 1881 г. переговоры для выработки «формулы соединения». В это время силы обеих партий были уже значительно подорваны, и их воссоединение казалось вполне целесообразным³⁰¹. Однако наряду с горячими сторонниками этого плана (Я. В. Стефанович, Л. Г. Дейч, А. П. Буланов) некоторые (и прежде всего Г. В. Плеханов) относились к нему скептически. В совместных переговорах ни та ни другая сторона не хотела уступать своих программных установок. Признавая желательность сближения, обещающего «новый приток сил и уничтожение или ослабление разных раздоров», народолюбцы (и с этим были согласны и чернопередельцы) отмечали, что «важно количество сил, но еще важнее единомыслие»³⁰². А при единомыслии в целях, как уже говорилось, оставались расхождения в понимании ряда существенных вопросов. Они и помешали организационному объединению двух партий.

Как единая организация «Черный передел» прекратила свое существование в конце 1881 г.³⁰³ Продолжали действовать его отдельные, разрозненные кружки. Значительная часть чернопередельцев влилась тогда же в «Народную волю», приняв ее программу.

История «Черного передела» в годы революционной ситуации еще раз доказывает, что никакая преданность революционному делу, убежденность и самоотверженность не могут спасти партию, руководствующуюся во многом уже отжившей программой. Взавшись защищать обреченные, не соответствующие требованиям действительности идеи бакунизма, аполитизма, чернопередельцы лишили себя перспективы развития и в период революционного подъема обрекли свою организацию на прозябание. Будучи увлечены общим революционным потоком, они оказались не в состоянии следовать своей программе, основанной на представлениях, оторванных от жизни. «История хватает за шиворот и толкает на путь политической борьбы даже тех, кто еще недавно был принципиальным противником»³⁰⁴. Мощное воздействие революционного кризиса в стране сказалось в действиях и идеях чернопередельцев, внося в них серьезные поправки. Для всех направлений русского революционного движения, таким образом, революционная ситуация стала периодом преодоления анархизма, периодом выдвижения политических и демократических лозунгов как первоочередных и всеобщих. «История всего русского социализма привела к тому, — писал В. И. Ленин, — что самой его насущной задачей оказалась борьба против самодержавного правительства, завоевание политической свободы; наше социалистическое движение концентрировалось, так сказать, на борьбе с самодержавием»³⁰⁵.

*

В обстановке обострения социально-политических противоречий народническое движение явилось важным, а во многом и решающим фактором революционной ситуации на рубеже 70–80-х го-

дов XIX в. Поворот революционеров к политической борьбе, начало схватки с самодержавием способствовали возникновению революционного кризиса, который углублялся с развитием народолюбческого движения. В то же время это движение само испытывало на себе влияние революционной ситуации. Именно ее назревание в стране ускорило преодоление бакунистского нигилизма по отношению к политике. Ухудшение положения масс, усиление их недовольства, обострение правительственного кризиса, общественный подъем — все это решающим образом сказалось на программе и тактике революционеров. В разгар революционной ситуации революционеры постарались «привлечь к своей организации *всех* недовольных и направить эту организацию на решительную борьбу с самодержавием». В этом В. И. Ленин увидел «великую историческую заслугу» народолюбцев³⁰⁶. В этот переломный период жизни России ее революционное движение показало свою определенную зрелость. Оно сумело понять требование момента и выдвинуть на первый план исторически назревшую задачу свержения самодержавия. Оно сумело преодолеть пережитки бакунизма, мешавшие развитию освободительной борьбы, и провозгласить лозунг завоевания демократических свобод. Став авангардом всех недовольных самодержавным режимом, всех борющихся против него сил, народолюбчество, однако, не смогло возглавить их и организовать в один, общий натиск на самодержавие. Молодость и неопытность русского пролетариата, соглашательство либерализма, политическая неразвитость крестьянских масс способствовали тому, что основную тяжесть борьбы народолюбцы взяли на себя. Отсутствие широкого массового движения в стране сказалось и на выборе форм и средств политической борьбы и в самом ее понимании революционерами. Стремясь к народному восстанию (а в период наивысшего развития революционной ситуации прямо ориентируясь на него), они верили в возможность совершить переворот и своими силами, без поддержки народа.

Попытку народолюбцев захватить власть «посредством „устрашающего“ и действительно устрашавшего террора» В. И. Ленин называл величественной³⁰⁷. Великая цель, поставленная «Народной волей», — освобождение страны от ига самодержавия — породила героизм и самоотверженность народолюбцев, удесятирила их силы. Но их опыт еще раз подтвердил, что формы борьбы не безразличны к ее содержанию. Избранный революционерами как средство пробуждения масс, террор не приближал их к массам, а, напротив, отдалял от них, подавив те немногие всплески общественной активности, которые проявились в начале демократического подъема. Обессиливая организацию, террор обрекал революционное дело на поражение в борьбе с могущественным врагом. Единоборство с самодержавием героической революционной интеллигенции³⁰⁸ окончилось победой реакционного режима. Но, не приведя ни к каким положительным завоеваниям, революционное движение на рубеже 70–80-х годов XIX в. имело огромное

значение для дальнейшего развития освободительной борьбы в России. Опыт нескольких лет борьбы особого накала и интенсивности помогал революционерам избавиться от ряда иллюзий: «От веры в самобытное развитие России, от убеждения, что народ готов для революции, от теории захвата власти и единоборства с самодержавием героической интеллигенции»³⁰⁹. Осмысление опыта революционной ситуации двинуло резко вперед последующее развитие революционной мысли, усилив противоречия внутри народнической идеологии, подготовив ее идейный кризис. Борьба, окончившаяся поражением революционных сил, была не бесплодной. Огромные жертвы, которые принесли революционеры, были не напрасны: «они способствовали — прямо или косвенно — последующему революционному воспитанию русского народа»³¹⁰.

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 304—305.
- ² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 355.
- ³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 213.
- ⁴ Революционное народничество 70-х годов XIX в.: Сб. док. и материалов. М.; Л., 1965, т. 2. 1876—1882 гг., с. 30. (Далее: Революционное народничество...).
- ⁵ Там же. Подробнее см.: Ткаченко П. С. Революционно-народническая организация «Земли и воля», 1876—79 гг. М., 1961.
- ⁶ Революционное народничество... с. 256; Показания А. Д. Михайлова на следствии.— В кн.: Прибылева-Корба А. П., Фигнер В. Н. А. Д. Михайлов. М.; Л., 1925, с. 122. (Далее: Показания А. Д. Михайлова); Попов М. Р. Из моего революционного прошлого.— Былое, 1907, № 7, с. 241.
- ⁷ Революционная журналистика семидесятых годов. Ростов н/Д, Б. г., с. 72. (Далее: Революционная журналистика...).
- ⁸ ЦГАОР СССР, ф. 109 (III отделение с. е. и. в. канцелярии, Секретный архив), оп. 1, 1878 г., д. 832, л. 1.
- ⁹ Революционное народничество..., с. 44—45.
- ¹⁰ Там же, с. 45—46.
- ¹¹ Процесс Веры Засулич. СПб., 1906, с. 49.
- ¹² Московские ведомости, 1878, № 83, 87, 85.
- ¹³ Ко всем честным людям: Изд[ание] Вольной русской типографии.— ЦГАОР СССР, ф. 102 (Департамента полиции), Коллекция нелегальных изданий, 1878 г.
- ¹⁴ Там же, ф. 109, Секретный архив, оп. 1, 1878 г., д. 718.
- ¹⁵ Короленко В. Г. История моего современника. М., 1965, с. 437.
- ¹⁶ Рудько М. П. Революційні народники на Україні: (70-ті роки XIX ст.). Київ, 1973, с. 164—174.
- ¹⁷ Революционное народничество..., с. 83.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же, с. 51.
- ²⁰ Вигашевский Н. А. Первое вооруженное сопротивление — первый военный суд.— Былое, 1906, № 2, с. 227—228. Новое настроение революционеров уже ощущалось и властями: обычно для обыска и ареста посылались 2—3 жандарма.
- ²¹ Революционная журналистика..., с. 33—34.
- ²² Левин Ш. М. Две демонстрации.— Исторические записки, 1955, т. 54, с. 264 и след.
- ²³ Революционная журналистика..., с. 123—124.
- ²⁴ Иллич-Свитыч В. С. Мое знакомство с И. М. Ковальским.— Былое, 1906, № 8, с. 154.
- ²⁵ Революционная журналистика..., с. 121—122.

- ²⁶ Седов М. Г. Героический период революционного народничества. М., 1966, с. 77—83.
- ²⁷ Этими, уже известными в революционной среде именами силы группы не исчерпывались. Десятки имен революционеров, многие из которых стали народовольцами, а тогда примыкали к кружку Осинского — Лизогуба, назвал в своих откровенных показаниях «южанин» Г. Д. Гольденберг.— ЦГВИА, ф. 545 (Петербургского военно-окружного суда), оп. 2, 1880, д. 525, к-218, т. 5, л. 75 и след.
- ²⁸ Яркие их портреты дал С. М. Степняк-Кравчинский в своей «Подпольной России». См.: Степняк-Кравчинский С. М. Соч.: В 2-х т. М., 1958, т. 1, с. 409—417, 422—427.
- ²⁹ Перепечатана в газете «Община» (Женева, 1878, № 3/4, с. 28—29).
- ³⁰ На квартире С. Ф. Чубарова при обыске обнаружили лабораторию для приготовления динамита, таблицы опытов над ним. См.: Отчет о заседании военно-окружного суда по делу 28-ми.— Ведомости Одесского градоначальства, 1879, 29 июля, № 167.
- ³¹ Литература партии «Народная воля». М., 1930, с. 5.
- ³² ЦГИА СССР, ф. 1405 (Министерства юстиции), оп. 77, 1878 г., д. 7656, л. 55, и др.
- ³³ Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932, с. 90—91.
- ³⁴ ЦГАОР СССР, ф. 109, 3-я экзп., оп. 3, 1879 г., д. 115, ч. 2, л. 21.
- ³⁵ «Голос честных людей» — так назвал свою прокламацию кружок И. М. Ковальского. «Ко всем честным людям» обращались землевладельцы, призывая «всех честных людей нашего Отечества» к борьбе «во имя человеческого отношения к личности, во имя достоинства человека». См.: Революционное народничество..., с. 45, 47, 50 и др.
- ³⁶ Архив «Земли и воли» и «Народной воли», с. 99.
- ³⁷ Кравчинский С. М. Смерть за смерть. Пг., 1920, с. 13, 15, 20. Изданная в 1878 г. от имени социально-революционной партии, брошюра посвящалась «святой памяти И. М. Ковальского». По донесениям местных жандармских управлений ее обнаруживали во всех губерниях. См.: ЦГАОР СССР, ф. 109, 3-я экзп., оп. 163, 1878 г., д. 329.
- ³⁸ Кравчинский С. М. Смерть за смерть, с. 13, 17.
- ³⁹ Революционное народничество..., с. 70.
- ⁴⁰ Семенюта П. Из воспоминаний об А. И. Желябове.— Былое, 1906, № 4, с. 224.
- ⁴¹ Показания Н. И. Кибальчича.— Там же, 1918, № 4/5, с. 297.
- ⁴² ЦГВИА, ф. 545, оп. 2, 1879 г., д. 202, к. 204, т. 3, л. 78—79.
- ⁴³ Короленко В. Г. Указ. соч., с. 430.
- ⁴⁴ Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1938, сб. 6, с. 237.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Революционная журналистика..., с. 23—24.
- ⁴⁷ Левин Ш. М. Указ. соч., с. 258.
- ⁴⁸ ЦГА г. Москвы, ф. 16 (Московского генерал-губернатора), Секретная канцелярия, оп. 68, д. 73, л. 24.
- ⁴⁹ Революционная журналистика..., с. 29—30.
- ⁵⁰ Там же, с. 334.
- ⁵¹ Революционное народничество..., с. 52—53.
- ⁵² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 75.
- ⁵³ Революционная журналистика..., с. 194—197.
- ⁵⁴ Показания А. Д. Михайлова, с. 125.
- ⁵⁵ Так возникал замысел взрыва на фабрике Шау — привлечь внимание к ее порядкам. См.: Плеханова Р. М. Периферийный кружок «Земли и воли». — В кн.: Группа «Освобождение труда». М.; Л., 1926, сб. 4, с. 107. Сторонником фабричного террора был в ту пору Г. В. Плеханов, усматривавший в нем противовес террору политическому, к которому отошел отрицательно. См.: Аптекман О. В. Общество «Земли и воля» 70-х годов. Пг., 1924, т. 347; см. также: Воспоминания Льва Тихомирова. М.; Л., 1929, с. 127.
- ⁵⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 245.

- 57 ЦГИА СССР, ф. 1282 (Канцелярия Министра внутренних дел), оп. 1, 1878 г., д. 358, л. 20 и след.
- 58 ЦГА г. Москвы, ф. 16, оп. 68, д. 73, л. 21—24.
- 59 Русская учащаяся молодежь министру юстиции графу Палену; Ко всем, кому ведать надлежит; К обществу. От московской учащейся молодежи. (Революционное народничество..., с. 44—45, 45—46). Эту последнюю широко рассылали по учебным заведениям, разбрасывали на улицах. См.: ЦГА г. Москвы, ф. 16, оп. 68, д. 7, л. 1—3, 7.
- 60 Революционное народничество..., с. 71.
- 61 Там же, с. 60.
- 62 Там же, с. 75.
- 63 К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967, с. 353—354.
- 64 Революционная журналистика..., с. 74.
- 65 Там же, с. 119.
- 66 Показания А. Д. Михайлова, с. 131.
- 67 Революционная журналистика..., с. 150.
- 68 Архив «Земли и воли» и «Народной воли», с. 99.
- 69 Показания А. Д. Михайлова, с. 135.
- 70 Революционная журналистика..., с. 147.
- 71 Показания А. Д. Михайлова, с. 129; Процесс 20-ти народолюбцев в 1882 г.— Былое, 1906, № 1, с. 229.
- 72 Аптекман О. В. Указ. соч., с. 359—360; Морозов Н. А. Возникновение «Народной воли». — Былое, 1906, № 12, с. 6.
- 73 Революционная журналистика..., с. 291, 293.
- 74 Литература партии «Народная воля», с. 45.
- 75 Крикунов В. П. Революционные разночинцы на Северном Кавказе. Нальчик, 1958, с. 56—59.
- 76 Самбук С. М. Революционные народники Белоруссии (70-е — начало 80-х годов XIX в.). Минск, 1972, с. 70—71.
- 77 Процесс 20-ти народолюбцев в 1882 г., с. 302.
- 78 Всего на съезде в Липецке участвовало 11 человек: А. Д. Михайлов, А. А. Квятковский, А. И. Желябов, С. Г. Ширяев, М. Ф. Фроленко, Л. А. Тихомиров, М. Н. Опанина (Оловенникова), А. И. Баранников, Н. Н. Колодкевич, Н. А. Морозов, Г. Д. Гольденберг. См.: ЦГВИА, ф. 545, оп. 2, 1880 г., д. 525, к. 218, т. 5, л. 21; Там же, прил. III к т. 1, л. 26.
- 79 Архив «Земли и воли» и «Народной воли», с. 131.
- 80 [Тихомиров Л. А.] К биографии А. И. Желябова и С. Л. Перовской.— Былое, 1906, № 8, с. 112.
- 81 Там же.
- 82 Твардовская В. А. Воронежский съезд землелюбцев.— Науч. докл. высш. школы. Исторические науки, 1959, № 2.
- 83 Бух Н. К. Первая типография «Народной воли». — Каторга и ссылка, 1929, № 8, с. 54.
- 84 Архив «Земли и воли» и «Народной воли», с. 272—273.
- 85 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 179.
- 86 Подробнее о программе «Народной воли» и течениях внутри народолюбчества см.: Твардовская В. А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870—80-х годов. М., 1969.
- 87 Литература партии «Народная воля», с. 50.
- 88 Показания А. Д. Михайлова, с. 156.
- 89 Подготовительная работа партии.— В кн.: Революционное народничество..., с. 175; Программа рабочих, членов партии «Народной воли». — Там же, с. 185.
- 90 Литература партии «Народная воля», с. 5.
- 91 Там же, с. 4.
- 92 Там же, с. 25.
- 93 Там же, с. 4.
- 94 Литература партии «Народная воля», с. 67—68; Иванова-Борейшо С. А. Первая типография «Народной воли». М., 1928.
- 95 О принципах устройства народолюбческой организации см.: Твардов-

- ская В. А. Организационные основы «Народной воли». — Исторические записки, 1960, т. 67.
- 96 За исключением М. Н. Тригоны, адвокатская практика которого использовалась Исполнительным комитетом «Народной воли».
- 97 Дело 1-го марта 1881 года. Одесса, 1906, с. 107.
- 98 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 226.
- 99 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 171.
- 100 О руководителях и выдающихся деятелях «Народной воли» см.: Клеянкин А. В. А. Желябов — герой «Народной воли». М., 1959; Черняк А. Я. Н. Кибальчич — революционер и ученый. М., 1960; Павлюченко Э. А. С. Перовская. М., 1959; Она же. В. Фигнер. М., 1963; Сергеев В. Д. А. В. Якимова. Киров, 1970.
- 101 Террору посвящен 2-й пункт раздела Д (о практической деятельности и ее средствах). 1-й был об агитационно-пропагандистской работе. См.: Революционное народничество..., с. 173.
- 102 Подробнее см.: Сахаров А. Н. «Красный» террор народолюбцев.— Вопросы истории, 1966, № 5.
- 103 Литература партии «Народная воля». Paris, 1905, с. 168. Есть данные о распространении этой прокламации и среди крестьян. См.: ЦГИА СССР, ф. 1410 (Вещественные доказательства к делам Министерства юстиции), оп. 1, 1879 г., д. 344.
- 104 Саратовцев [Майнов И. И.]. Саратовский семидесятник.— Минувшие годы, 1908, № 4, с. 253, 263.
- 105 Полевой Ю. Э. С. Халтурин. М., 1979.
- 106 Московские ведомости, 1880, № 37, 38, 44.
- 107 Литература партии «Народной воли». М., 1930, с. 4.
- 108 Там же, с. 2.
- 109 Там же, с. 96.
- 110 В июне 1880 г. на пути следования царя под Каменным мостом Екатерининского канала был заложен динамит, но покушение не состоялось.
- 111 Литература партии «Народная воля». М., 1930, с. 92.
- 112 Революционное народничество..., с. 174.
- 113 Там же, с. 179, 180.
- 114 Тьрков А. В. К событию 1 марта 1881 г.— Былое, 1906, № 5, с. 143.
- 115 Литература партии «Народная воля». М., 1930, с. 79.
- 116 Там же, с. 84.
- 117 Там же, Paris, 1905, с. 896—897. Прокламацию обнаруживали в разных губерниях. См.: ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 80, 1881 г., д. 8259. В Одессе в декабре 1880 г. ее расклеивали на стенах домов. См.: Там же, д. 8111.
- 118 Литература партии «Народная воля». М., 1930, с. 91.
- 119 Революционное народничество..., с. 189—190.
- 120 Там же, с. 211.
- 121 Там же, с. 209.
- 122 Так возникла сильнейшая из народолюбческих групп — Московская, основателем которой был А. Д. Михайлов, посланный в Москву осенью 1879 г. Представителем ИК в ней до лета 1880 г. был В. В. Зеге фон Лауренберг, а после его смерти — М. Н. Опанина и П. А. Теллалов. В Московской группе действовали Г. Ф. Чернышевская, С. В. Мартынов, Н. П. Андреев, П. В. Гортыванский. См.: Чернышевская Г. Ф. Автобиография.— В кн.: Энциклопед. словарь /бр. Гранат, т. 40, стб. 595; Программа воспоминаний члена Исполнительного комитета «Народной воли» В. С. Лебедева.— В кн.: Народолюбцы после 1 марта 1881 г. М., 1928, с. 161; Анзимиров В. А. Крамольники. М., 1907, с. 104—105. Усилиями В. Н. Фигнера и М. Н. Тригоны летом 1880 г. была основана Одесская группа (М. И. Дрей, И. И. Сведенцов, О. С. Пуриц, П. А. Мартино, В. А. Жебунов). См.: Фигнер В. Н. Запечатленный труд.— Полн. собр. соч.: В 7-ми т. М., 1932, т. 1, с. 256—258; Дрей М. И. Стрельниковский процесс в Одессе в 1883 г.— Каторга и ссылка, 1924, № 2, с. 46; Он же. Автобиография.— В кн.: Энциклопедический словарь бр. Гранат, т. 40, стб. 126. Под влиянием агитации А. И. Желябова в сентябре 1879 г.

- к «Народной воле» присоединилась часть харьковского революционного кружка: А. О. Сыцяноко, П. А. Теллалов, В. А. Тихоцкий, Е. Г. Легкий, Я. И. Кузнецов и др. См.: *Широкова В. В.* Возникновение народовольческой организации в Харькове.— В кн.: Из истории общественной мысли и общественного движения в России. Саратов, 1964, с. 84 и след. В Поволжье агент ИК В. А. Жебунев в сентябре 1880 г. вошел в сношения с самарским, саратовским и казанским революционными кружками. Саратовский кружок (М. П. Троицкий, И. И. Майнов, Н. Е. Лавров, Е. Х. Томилова, А. П. Ювенальев и др.) тогда же присоединился к «Народной воле». См.: *Широкова В. В.* Очерки истории общественного движения в Саратовской губернии в пореформенный период. Саратов, 1976, с. 37—38.
- ¹²³ Таким был кружок М. Р. Попова — Д. Т. Буцинского в Киеве. В начале 1880 г. его часть (И. Я. Левинский, братья Бычковы, А. И. Богданович, В. Е. Гориневич и др.) присоединилась к «Народной воле». См.: *Попов М. Р.* Из моего прошлого.— Минувшие годы, 1908, кн. 2, с. 175—179; *Бычков А. И.* Дело о революционных кружках в Киеве в 1879, 1880, 1881 гг.: Из воспоминаний народовольца.— Летопись революции, 1924, № 2, с. 52—55; смешанный состав был и у саратовского центрального кружка. См.: *Широкова В. В.* Очерки истории общественного движения в Саратовской губернии..., с. 34—36; также у Казанского центрального социально-революционного кружка. См.: *Смирнова Т. М.* Революционное подполье Казани в первой половине 80-х годов XIX в.— В кн.: Из истории казанского революционного подполья 80-х годов XIX в. Казань, 1970; и у революционного кружка в Пензе. См.: *Дергачев А. Ф.* Пензенский народнический кружок.— История СССР, 1971, № 1.
- ¹²⁴ Революционное народничество..., с. 188; Литература партии «Народная воля». М., 1930, с. 165.
- ¹²⁵ *Катренко А. Н.* Революционное народничество конца 70-х — начала 80-х годов XIX в. на Украине. Киев, 1969; *Рудько М. П.* Указ. соч., с. 192—200.
- ¹²⁶ *Самбук С. М.* Указ. соч., с. 120—126.
- ¹²⁷ *Merkys Y.* Narodnikai ir pirmieva marksistai Lietuvoje. Vilnius, 1967, p. 47—52.
- ¹²⁸ История Латвийской ССР. Рига, 1954, т. 2, с. 136—139.
- ¹²⁹ *Исаков С.* Тартуское студенчество 1880-х годов и движение народников.— Учен. зап. Тартуск. ун-та, 1972, вып. 290.
- ¹³⁰ История Молдавской ССР. Кишинев, 1965, т. 1, с. 509—512.
- ¹³¹ *Галиев В. З.* Народовольческие кружки в Казахстане.— В кн.: Освободительное движение в России. Саратов, 1978, № 8, с. 85 и след.
- ¹³² *Михайлов Б. Г.* Революционно-народнические кружки в Мезени (1878—1881 гг.).— В кн.: Из истории политической ссылки на Европейском Севере. Вологда, 1978; *Ушакова Л. А.* Народническая сибирская ссылка 70—90-х годов XIX века в советской историографии 50—70-х годов.— В кн.: Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII — начало XX в.). Новосибирск, 1978; *Галиев В. З.* Ссылные революционеры в Казахстане. Алма-Ата, 1978, с. 47—71; *Савицкий А. П. Г.* Лопатин в Ташкенте.— Тр. Средне-Азиатского гос. ун-та. Ташкент, 1958, вып. 142, кн. 30, с. 64—65.
- ¹³³ Представление о революционных буднях провинциальной народвольческой организации дает исследование В. В. Широковой о саратовской группе народовольцев. См.: *Широкова В. В.* Очерки истории общественного движения в Саратовской губернии..., с. 34—47.
- ¹³⁴ До 1 марта 1881 г. «Народная воля» поместила подобные корреспонденции из Воронежа, Вятки, Екатеринослава, Иркутска, Киева, Минска, Москвы, Одессы, Орла, Перми, Полтавы, Симферополя, Харькова.
- ¹³⁵ ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, 1880 г., д. 504, л. 345.
- ¹³⁶ Общие начала организации.— В кн.: Революционное народничество..., с. 209 и след.
- ¹³⁷ Район влияния центральной группы зачастую простирался и на близлежащие пункты. Так, Киевская центральная группа имела в сфере своего

- воздействия Каменец-Подольск, Нежин; Харьковская — Полтаву, Ростов-на-Дону, Елисаветград.
- ¹³⁸ Революционное народничество..., с. 181.
- ¹³⁹ Программа рабочих, членов партии «Народная воля»; Устав дружины (подгруппы) рабочих.— Там же, с. 190, 212.
- ¹⁴⁰ Литература партии «Народная воля». М., 1930, с. 109.
- ¹⁴¹ Революционное народничество..., с. 318.
- ¹⁴² *Л. Т. [Тихомиров Л. А.]* Из давнего разговора.— Вестник «Народной воли», 1883, № 4.
- ¹⁴³ В политических процессах народовольцев с 1879 до середины 1882 г. участвовало 32 рабочих. См.: *Троицкий Н. А.* Безумство храбрых: Русские революционеры и карательная политика царизма, 1866—1882. М., 1978, с. 241.
- ¹⁴⁴ Революционное народничество..., с. 188 и след.
- ¹⁴⁵ Судя по показаниям Н. И. Рысакова, агентом Петербургской стороны была С. Л. Перовская, Выборгской и Измайловского полка — И. И. Гриневицкий. Рысаков был агентом Васильевского острова. См.: [Из заключения прокурора Петербургской судебной палаты по делу о 35 лицах, обвиняемых в революционной пропаганде среди петербургских рабочих].— Там же, с. 265.
- ¹⁴⁶ Устав Московской рабочей группы.— Там же, с. 214—216.
- ¹⁴⁷ *Волков Н. (Майнов И. И.)* Народовольческая пропаганда среди московских рабочих в 1881 г.— Былое, 1906, № 2, с. 177—179.
- ¹⁴⁸ *Фигнер В. Н.* Указ. соч., т. 1, с. 229.
- ¹⁴⁹ *Волк С. С.* Деятельность «Народной воли» среди рабочих в годы второй революционной ситуации (1879—1882).— Исторические записки, 1963, т. 74, с. 207—210.
- ¹⁵⁰ *Эвенчик С. Л.* Вопрос о рабочих в «Народной воле».— Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина, 1970, № 359.
- ¹⁵¹ Революционное народничество..., с. 212.
- ¹⁵² Программа рабочих членов партии «Народная воля».— Там же, с. 189.
- ¹⁵³ Подготовительная работа партии.— Там же, с. 182—183.
- ¹⁵⁴ Там же, с. 183.
- ¹⁵⁵ Там же, с. 216.
- ¹⁵⁶ Там же.
- ¹⁵⁷ Письма народовольца А. Д. Михайлова. М., 1933, с. 239.
- ¹⁵⁸ Центральным кружок стал именоваться, чтобы отделить себя от землячеств и кружков самообразования, — как выдвинувший требования «свободной гражданской жизни», а не потому, что принял представительство от других кружков. См.: Революционное народничество..., с. 231. Подробнее о нем и подготовленной им демонстрации 8 февраля 1881 г. см. в гл. 9. См. также: *Жуйкова Р. Г.* Революционные студенческие кружки С.-Петербургского ун-та 80-х годов XIX в.— В кн.: Очерки по истории Ленингр. ун-та. Л., 1968, т. 2, с. 41—51.
- ¹⁵⁹ Биография И. И. Гриневицкого.— На родине, Лондон, 1882, № 1, с. 46.
- ¹⁶⁰ *Иозельсон В. И.* Первые дни «Народной воли». М., 1922, с. 55.
- ¹⁶¹ Народовольцы после 1 марта 1881 года. М., 1928, с. 161; *Чернявская-Богдановская Г. Ф.* Автобиография.— В кн.: Энциклопед. словарь / бр. Гранат, т. 40, стб. 594; *Орлов В. И.* Студенческое движение Московского ун-та в XIX столетии. М., 1934, с. 179—184, 188.
- ¹⁶² *Бычков А. И.* Дело о революционных кружках в Киеве в 1879, 1880 и 1881 гг.— Летопись революции, 1924, № 2, с. 54—56.
- ¹⁶³ Материалы по истории революционно-социалистического движения в Воронежской губернии / Сост. А. Н. Татарчуков. Воронеж, 1922.
- ¹⁶⁴ *Широкова В. В.* Очерки истории общественного движения в Саратовской губернии..., с. 40.
- ¹⁶⁵ *Ашенбреннер М. Ю.* Военная организация «Народной воли» и другие воспоминания (1870—1904 гг.). М., 1924, с. 72.
- ¹⁶⁶ Революционное народничество..., с. 181.
- ¹⁶⁷ Там же.

- ¹⁶⁸ *Фигнер В. Н.* Указ. соч., т. 1, с. 199; См. также: Из показаний Н. М. Рогачева о деятельности народovolьцев в армии.— В кн.: Революционное народничество..., с. 300.
- ¹⁶⁹ Там же.
- ¹⁷⁰ *NN [Серебряков Е. А.]* Воспоминания о Н. Е. Суханове.— Вестник «Народной воли», Женева, 1886, № 5; *Он же.* Революционеры во флоте. Пг., 1919, с. 29, 38—42.
- ¹⁷¹ *Годунова Л. Н.* Военная организация народovolьцев.— Вопросы истории, 1973, № 9, с. 120—122.
- ¹⁷² *Волк С. С.* Народная воля, 1879—1882. М.; Л., 1966, с. 221, 238—247.
- ¹⁷³ Революционное народничество..., с. 175—176; Литература партии «Народная воля». М., 1930, с. 93.
- ¹⁷⁴ Литература партии «Народная воля». М., 1930, с. 92.
- ¹⁷⁵ Революционное народничество..., с. 190.
- ¹⁷⁶ *Бланки О.* Инструкция вооруженному восстанию (1868 г.).— Избранные произведения. М., 1952, с. 322.
- ¹⁷⁷ *Ткачев П. Н.* Возможна ли социальная революция в России в настоящее время? — Избранные сочинения на социально-политические темы: В 4-х т. М., 1933, т. 3, с. 281, 277 и след.
- ¹⁷⁸ Незданные записки Л. Тихомирова.— Красный архив, 1928, т. 4, с. 151; *Якимова А. В.* Из далекого прошлого.— Каторга и ссылка, 1924, № 1, с. 9.
- ¹⁷⁹ Литература партии «Народная воля». М., 1930, с. 49.
- ¹⁸⁰ *Тырков А. В.* К событию 1-го марта 1881 года. Ростов н/Д, [1907], с. 20.
- ¹⁸¹ К истории партии «Народной воли». «Показания» М. Н. Полонской.— Былое, 1907, № 6, с. 8—9.
- ¹⁸² *Любатович О. С.* Далекое и недавнее.— Там же, 1906, № 6, с. 137.
- ¹⁸³ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 80, 1881 г., д. 8148.
- ¹⁸⁴ Там же, ф. 1410, оп. 1, 1881 г., д. 291.
- ¹⁸⁵ Там же, ф. 1405, оп. 80, 1881 г., д. 8163.
- ¹⁸⁶ *Дергачев А. Ф.* Пензенский народнический кружок, с. 159.
- ¹⁸⁷ *Нарбеков Н. В.* Вокруг 1 марта: Сб. статей.— В кн.: 1 марта 1881 г. М., 1933.
- ¹⁸⁸ Революционное народничество..., с. 233.
- ¹⁸⁹ Там же, с. 236.
- ¹⁹⁰ Честным мирянам, православным крестьянам и всему народу русскому (2 марта 1881 г.).— Там же, с. 234. Прокламация сравнительно широко распространялась среди крестьян. Ее находили в Саратовской, Самарской, Нижегородской, Ярославской, Уфимской, Воронежской, Киевской, Полтавской, Харьковской, Таврической губерниях. См.: ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 80, 1881 г. Справедливым представляется утверждение, что оживление слухов о переделе в крестьянстве связано с этой прокламацией. См.: *Эвенчик С. Л.* Из истории народovolьческой пропаганды среди крестьянства после 1 марта 1881 г.— В кн.: Общественное движение в пореформенной России. М., 1965, с. 116.
- ¹⁹¹ Революционное народничество..., с. 191, 195.
- ¹⁹² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 56.
- ¹⁹³ *Лаверов П. Л.* Взгляд на прошлое и настоящее русского социализма. СПб., 1906, с. 32. Письмо ИК Александру III печаталось в несколько приемов — дополнительными тиражами. В народovolьческой типографии на Подольской ул. в мае 1881 г. полиция захватила 1942 экз. письма, едва снятого с типографского станка: бумага была еще влажной. См.: ЦГАОР СССР, ф. 112 (Особого присутствия правительственного Сената), оп. 1, д. 507, л. 91 об.
- ¹⁹⁴ Литература партии «Народная воля». М., 1930, с. 132.
- ¹⁹⁵ Там же, с. 122—123.
- ¹⁹⁶ Русскому рабочему народу.— В кн.: Революционное народничество..., с. 239—240. Прокламация довольно широко распространялась среди крестьян Украины и Поволжья, а также Белоруссии. См.: ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 80, 1881 г., д. 8187, 8449 и др. См.: *Самбук С. М.* Указ. соч., с. 100—101. В сокращенном виде она была издана на гектографе в августе 1882 г. за подписью «Социалисты черноземной полосы». См.: *Серебрян-*

- никова В. Г.* О народovolьческих листовках «социалистов черноземной полосы». — В кн.: Из истории общественно-политического движения в России XIX в. М., 1967, с. 54 и след. См. также: Исполнительный комитет офицерам русской армии; Объявление от Исполнительного комитета славянскому казачеству... — В кн.: Революционное народничество..., с. 240—243. «Объявление» распространилось на Северном Кавказе. См.: ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 81, 1882 г., д. 9229. Его находили в Имеретинском полку. См.: Там же, оп. 80, 1881 г., д. 8330; в Донском полку. См.: Там же, д. 8193, 8690, 8689, 8700 и след.
- ¹⁹⁷ ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, д. 527, л. 14—16.
- ¹⁹⁸ Письма народovolьца А. Д. Михайлова, с. 914. Имеется в виду брат Александра III вел. кн. Владимир Александрович.
- ¹⁹⁹ Литература партии «Народная воля». М., 1930, с. 51.
- ²⁰⁰ Там же, с. 287.
- ²⁰¹ Там же, с. 51.
- ²⁰² Там же, с. 47.
- ²⁰³ Там же, с. 130.
- ²⁰⁴ Там же, с. 51.
- ²⁰⁵ *Троицкий Н. А.* «Народная воля» перед царским судом (1880—1896 гг.). Саратов, 1971.
- ²⁰⁶ *Гусев Н. Н.* 1 марта и Лев Толстой.— В кн.: 1 марта 1881 г.; *Он же.* 1 марта и В. Соловьев.— Там же.
- ²⁰⁷ *Волк С. С.* «Народная воля», 1879—1882, с. 276.
- ²⁰⁸ В течение 1881 г. были арестованы Н. Н. Колодкевич, М. Р. Ланганс, С. Златопольский, действовавшие в Киеве, М. Ф. Фроленко, М. Н. Тригоны — в Одессе.
- ²⁰⁹ *Бах А. Н.* Записки народovolьца. М.; Л., 1929, с. 42—48; *Коган-Бернштейн Н. О., Залкинд Л. С.* Народovolьческие организации в Киеве: (С осени 1880 г. по апрель 1883 г.). — В кн.: Народovolьцы после 1-го марта 1881 г., с. 168.
- ²¹⁰ *Фигнер В. Н.* Указ. соч., т. 1, с. 256—259; *Сухомлин В. И.* Из эпохи упадка партии «Народная воля». — Каторга и ссылка, 1926, № 3, с. 86—89.
- ²¹¹ *Фигнер В. Н.* Указ. соч., т. 1, с. 296 и след.
- ²¹² *Козлов С. З.* життя гуртків «Народній волі» на Роменщині, (1878—1884 рр.). — В кн.: За сто літ: Матеріали з громадського і літературного життя України XIX і початків XX століття. Харків; Київ, 1930.
- ²¹³ *Крикунов В. П.* Указ. соч., с. 123—131.
- ²¹⁴ *Широкова В. В.* Очерки истории общественного движения в Саратовской губернии..., с. 45—47.
- ²¹⁵ *Гедеоновский А. В.* Ярославский революционный кружок 1881—1886 гг.— Каторга и ссылка, 1926, № 3, с. 96.
- ²¹⁶ *Рабинович Я. Б.* Пермский кружок революционных народников 1880—83 гг.— В кн.: Из истории Урала. Свердловск, 1960, с. 225—226.
- ²¹⁷ *Смирнова Т. М.* Указ. соч., с. 64 и след.
- ²¹⁸ *Волк С. С.* «Народная воля», 1879—1882, с. 266—271.
- ²¹⁹ *Самбук С. М.* Указ. соч., с. 124—130.
- ²²⁰ *Шведидзе З. Л.* Содружество русских и грузинских революционных народников в 70—80-х годах XIX в.— Вопросы истории, 1957, № 12, с. 133—134; *Крикунов В. П.* Указ. соч., с. 134.
- ²²¹ *Волк С. С.* «Народная воля», 1879—1882, с. 268.
- ²²² История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5-ти т. Л., 1968, т. 3, с. 165 и след.
- ²²³ *Панкратов В. С.* Из деятельности среди рабочих в 1880—84 гг.— Былое, 1906, № 3, с. 237, 239.
- ²²⁴ *Волков Н. [Майнов И. И.]* Народovolьческая пропаганда среди рабочих в 1881 г.— Там же, № 2, с. 177; *Майнов И. И.* Автобиография.— В кн.: Энциклопед. словарь / бр. Гранат, т. 40, стб. 240.
- ²²⁵ *Смирнова Т. М.* Указ. соч., с. 65.
- ²²⁶ История Урала. Пермь, 1963, т. 1, с. 112; *Рабинович Я. Б.* Указ. соч., с. 226.

- 227 Волков Н. [Майнов И. И.] Из жизни саратовских кружков.— Былое, Ростов н/Д, 1906, вып. 2, с. 18—19; Широкова В. В. Очерки истории общественного движения в Саратовской губернии..., с. 45 и след.
- 228 Коган-Бернштейн Н. О., Залкинд Л. С. Указ. соч., с. 169 и след.
- 229 Хроника социалистического движения в России, 1878—1887 г. М., 1906, с. 196; Обзор важнейших дознаний по делам о государственных преступлениях. СПб., 1882, вып. 5, с. 49; Рабочее движение в России в XIX в. М., 1950, т. 2, ч. 2, с. 506—507.
- 230 Фигнер В. Н. Указ. соч., т. 1, с. 261.
- 231 Пешекеров П. К. Пропаганда народолюбцев среди рабочих в Ростове-на-Дону в 1882—1884 гг.— В кн.: Народолюбцы после 1-го марта 1881 г.
- 232 Фигнер В. Н. Указ. соч., т. 1, с. 261.
- 233 По подсчетам В. И. Невского, в начале 1880-х годов «Народная воля» распространяла и организовала в кружки и группы около 1,5 тыс. рабочих. См.: Невский В. И. «Народная воля» и рабочие.— В кн.: История пролетариата в СССР. М., 1930, сб. 1, с. 58.
- 234 Попов И. И. Революционные организации в Петербурге в 1882—1885 гг.— В кн.: Народолюбцы после 1-го марта 1881 г., с. 49.
- 235 Ткаченко П. С. Московское студенчество в общественно-политической жизни России 2-й пол. XIX в. М., 1958, с. 85—86, 89.
- 236 Бах А. Н. Записки народолюбца. М.; Л., 1929, с. 28; Он же. Автобиография.— В кн.: Энциклопед. словарь / бр. Гранат, т. 40, стб. 20.
- 237 Залкинд Л. С. Воспоминания народолюбца.— Каторга и ссылка, 1926, № 3, с. 91; Попов И. И. Л. С. Залкинд.— Там же, 1929, № 11, с. 173.
- 238 Смирнова Т. М. Указ. соч., с. 64 и след.; Широкова В. В. Очерки истории общественного движения в Саратовской губернии..., с. 40.
- 239 Революционное народничество..., с. 196.
- 240 К истории военной организации «Народной воли»: (Показания Ф. И. Завалишина).— Каторга и ссылка, 1925, № 5(18), с. 222—223.
- 241 Ашенбреннер М. Ю. Указ. соч., с. 96.
- 242 Программа военно-революционной организации.— В кн.: Революционное народничество..., с. 199.
- 243 Годунова Л. Н. Военная организация народолюбцев, с. 123. По уставу в группе не могло быть более 7 человек. См.: Революционное народничество..., с. 197.
- 244 Ашенбреннер М. Ю. Указ. соч., с. 97.
- 245 В послемартовский Исполнительный комитет входили: М. Ф. Грачевский (арестован в апр. 1882 г.); Ю. Н. Богданович (арестован в марте 1882 г.); М. Н. Оловенникова (Ошанина) (в апр. 1882 г. уехала за границу); Л. А. Тихомиров (в апр. 1882 г. уехал за границу); А. П. Корба (арестована в апр. 1882 г.); Е. Д. Сергеева (в апр. 1882 г. уехала за границу); Т. И. Лебедева (арестована летом 1881 г.); С. С. Златопольский (арестован в апр. 1882 г.); С. В. Мартынов (арестован в дек. 1881 г.); С. Н. Халтурин (арестован в марте 1882 г.); В. С. Лебедев (арестован в дек. 1881 г.); В. А. Жебунев (арестован в июле 1881 г.); П. А. Теллалов (арестован в дек. 1881 г.); Г. Г. Романенко (арестован в нояб. 1881 г.); Я. В. Стефанович (арестован в февр. 1882 г.); В. Н. Фигнер (арестована в февр. 1883 г.).
- 246 Эта бланкистская ориентация на заговор ярко проявилась в передовой № 8/9 «Народной воли».
- 247 Фигнер В. Н. Указ. соч., т. 1, с. 306 и след.
- 248 Ольховский Е. Р. К истории «Черного передела» (1879—1881 гг.).— В кн.: Общественное движение в пореформенной России, с. 128 и след.
- 249 Памятники агитационной литературы. М.; Пг., 1923, т. I. Черный передел, с. 196—199. (Далее: Черный передел). Называя себя Северо-русским обществом, чернопередельская «Земля и воля» относилась к району своей деятельности и Юго-Восточную Россию. См.: Там же, с. 196—197.
- 250 Ольховский Е. Р. К историографии «Черного передела».— История СССР, 1967, № 2, с. 63.
- 251 Самбук С. М. Указ. соч., с. 112 и след.

- 252 Бухбиндер И. Минская типография «Черного передела».— Каторга и ссылка, 1927, № 6, с. 94—99.
- 253 Ольховский Е. Р. К истории «Черного передела», с. 174—175.
- 254 Революционное народничество..., с. 146.
- 255 Там же, с. 165.
- 256 Там же, с. 168—189.
- 257 Аксельрод П. Б. Товарищам в Швейцарию.— В кн.: Группа «Освобождение труда»: Сб. статей. М.; Л., 1925, № 3, с. 142.
- 258 Революционное народничество..., с. 145.
- 259 Программа Северо-русского общества «Земля и воля» (авг.—сент. 1880 г.).— Там же, с. 149.
- 260 Там же, с. 166.
- 261 Невский В. И. От «Земли и воли» и «Народной воли» к группе «Освобождение труда». М., 1930, с. 175.
- 262 Зерно: Рабочий листок, 1880, дек., № 1.— В кн.: Невский В. И. Указ. соч., с. 391.
- 263 Там же, с. 406.
- 264 Там же, с. 395.
- 265 Ольховский Е. Р. К истории «Черного передела», с. 146—147.
- 266 Там же; Панкратов В. С. Из деятельности среди рабочих в 1880—84 гг.— Былое, 1906, № 3, с. 239, 244.
- 267 Об одном таком кружке рабочих, где столкнулись и так и не смогли сработать чернопередельцы и народолюбцы, рассказал Г. И. Орлов. См.: Революционное народничество..., с. 260—261.
- 268 Ольховский Е. Р. К истории «Черного передела», с. 146—147, 149.
- 269 Для собирания сведений о положении рабочего класса использовался, в частности, чернопеределец Н. А. Зворковский, служивший при Статистическом отделении Московской земской управы. См.: Там же, с. 169—170.
- 270 Революционное народничество..., с. 152.
- 271 Ольховский Е. Р. К истории «Черного передела», с. 155.
- 272 Революционное народничество..., с. 154.
- 273 Там же, с. 155.
- 274 Анзимиров В. А. Крамольники. М., 1907, с. 142; Сидоренко Е. Гимназические и студенческие годы.— Капдальный звон, (Одесса), 1926, № 4, с. 79; Ткаченко П. С. Указ. соч., с. 85.
- 275 Серебряков Е. А. Революционеры во флоте. Пг., 1919, с. 29—30; Фигнер В. Н. Указ. соч., т. 1, с. 199.
- 276 Черный передел..., с. 115.
- 277 Крестьянское движение в России в 1870—1880-х гг. М., 1968, с. 430.
- 278 Черный передел..., с. 121, 214—215.
- 279 Попов М. Р. Записки землелюбца. М., 1933, с. 47—49.
- 280 Черный передел..., с. 146.
- 281 Революционное народничество..., с. 212.
- 282 Самбук С. М. Указ. соч., с. 115—118.
- 283 Левин Ш. М. «Черный передел» и проблема политической борьбы.— В кн.: Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961, с. 245—253.
- 284 Jahrbuch für Socialwissenschaft und Sozialpolitik / Herausgegeben von 2. Richter. Zweiter Jahrgang. Zürich, 1881, S. 284.
- 285 Литература партии «Народная воля», с. 22. Еще более определенно высказалась хозяйка типографии «Черного передела» М. К. Крылова, объяснив, что задачей органа было «противодействие влиянию на молодежь другой революционной фракции» (т. е. «Народной воли»).— В. Т.). См.: ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 78, 1880 г., д. 8287, с. 47.
- 286 ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 83, 1883 г., д. 11036, л. 10 об.
- 287 Среди вещественных доказательств арестованных чернопередельцев нередко материалы, свидетельствующие о самом серьезном изучении сельского хозяйства и агрономии. См.: Там же, ф. 1410, оп. 1, 1883 г., д. 400, конв. 2, л. 18.

- ²⁸⁸ Ленин Ш. М. «Черный передел» и проблема политической борьбы, с. 252—253.
- ²⁸⁹ Черный передел, с. 188.
- ²⁹⁰ См.: «Общество рабочей кассы», «Устав рабочей кассы», «Программа Донского общества „Земля и воля“». — В кн.: Революционное народничество..., с. 154—157.
- ²⁹¹ Аптекман О. В. «Черный передел»: (Страница из истории общества «Земля и воля» 70-х годов). — В кн.: Черный передел, с. 103.
- ²⁹² Там же, с. 238.
- ²⁹³ Там же, с. 293, 294.
- ²⁹⁴ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 83, 1883 г., д. 11036, л. 10.
- ²⁹⁵ Там же, ф. 1410, оп. 1, 1881 г., д. 287, конв. 2, л. 141.
- ²⁹⁶ Черный передел, с. 299—301.
- ²⁹⁷ Там же, с. 239.
- ²⁹⁸ Революционное народничество..., с. 152.
- ²⁹⁹ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 83, 1883 г., д. 11036, л. 10.
- ³⁰⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 172.
- ³⁰¹ К истории отношений чернопередельцев и народовольцев: Из показаний Я. В. Стефановича. — В кн.: Историко-революционный сборник. Л., 1924, т. 2, с. 409—410.
- ³⁰² Революционное народничество..., с. 315.
- ³⁰³ Ольговский Е. Р. К истории «Черного передела», с. 178; Волк С. С. «Народная воля», 1879—1882, с. 390.
- ³⁰⁴ Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1940, сб. 8, ч. 1, с. 206.
- ³⁰⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 373—374.
- ³⁰⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 135.
- ³⁰⁷ Там же, с. 173.
- ³⁰⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 71—72.
- ³⁰⁹ Там же.
- ³¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 315.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

СТУДЕНЧЕСТВО

Студенческое движение в конце 70-х — начале 80-х годов XIX в.¹, как и в эпоху падения крепостного права², составляло один из элементов революционной ситуации. Студенческая среда пополнялась представителями молодого поколения, которое вступало в жизнь не зная крепостного права и дореформенного произвола. Иным было и восприятие окружающей действительности, и исходный рубеж ожиданий и требований к жизни. Если до отмены крепостного права знаменем всего передового в России была борьба за освобождение крестьян, то в пореформенный период круг общественных задач изменяется. Сочувствие угнетенному и страдавшему от пережитков крепостничества крестьянству постепенно приводило революционных демократов к осознанию необходимости борьбы за политическое освобождение народа. Передовое студенчество, служившее своеобразным резервом революционных сил на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России, во время второй революцион-

ной ситуации принимало непосредственное участие в общественно-политической борьбе.

В студенческое движение втягивались учащиеся 8 университетов (9859 студентов)^{*}, Петровской земледельческой и лесной академии (321), Военно-медицинской академии (1368) (преобразована из Медико-хирургической академии), трех Ветеринарных институтов (495), Петербургского практического Технологического института (550), Горного института (232), Лесного института (129), Института сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии (211). Общественный подъем вызвал брожение в Московском техническом училище (453), Рижском политехническом училище (576), Демидовском юридическом лицее (311), в таких относительно замкнутых заведениях, как Духовные академии (599)³. За годы революционного подъема численность студенчества возрасла: студенты 8 университетов к 1878 г. составляли — 6565, к 1879 г. — 7052, к 1880 г. — 7805, к 1881 г. — 8845, к 1882 г. — 9859 человек. В Демидовском юридическом лицее число учащихся было к 1879 г. — 209, к 1880 г. — 269, к 1881 г. — 311⁴. В Петербургском Технологическом институте в 1878 г. было 488 студентов, в 1879 г. — 464, в 1880 г. — 506, в 1881 г. — 550 человек⁵. В Рижском политехническом училище в 1880 г. училось 595 студентов, в 1881 г. — 576, в 1882 г. их число возросло до 622 человек.

Объективными причинами активизации студенческого движения в 1878—1882 гг. были тяжелое положение народа, политический гнет царизма, ухудшение экономического и политического положения России, т. е. комплекс факторов, вызвавших революционную ситуацию конца 70-х — начала 80-х годов.

Особенности студенческого движения были обусловлены состоянием общественно-политической борьбы, демократическим, разночинским составом участников движения⁶. Студенческую молодежь В. И. Ленин рассматривал как социальный слой⁷, политически неоднородный, с присущими ему социально-психологическими качествами⁸. Неоднородность, вызванная классовыми различиями, влияла на ход и характер движения студентов. «Студенчество не отрезано от остального общества, — отмечал В. И. Ленин, — и поэтому всегда и неизбежно отражает в себе всю политическую группировку общества»⁹. Образование, как известно, служит, по словам В. И. Ленина, одним из средств к утверждению человеческого достоинства¹⁰, составляющего фундамент личности гражданина, весьма подавленной и приниженной гнетом царского деспотизма. Изучение естественных и исторических наук, как отмечал министр народного просвещения А. В. Головин, дает уму молодого человека «направление, противное тому, какое требует нынешнее правительство, нынешняя церковь и большинство нынешнего полуобразованного общества»¹¹.

* Данные на 1 января 1882 г.